

ЖУРНАЛ МАЯКА

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский
Журнал маяка

«Автор»

2026

Велирский В.

Журнал маяка / В. Велирский — «Автор», 2026

После смерти отца архивистка Вера Ланская возвращается на беломорский остров Киверда. Посёлок готовят к переселению, аварийную башню — к консервации, а старый журнал маяка — к передаче в музей. Вера надеется сохранить семейное наследие, но разные чернила, переставленные листы и красная нить открывают другую историю: четыре поколения Ланских не только берегли записи, но и переписывали чужие голоса набело. Пока зимний шторм приближает эвакуацию, Вере приходится решить, кому принадлежат служебные страницы, личные признания и свидетельства жителей — и может ли любовь к месту оправдать право говорить за других. «Журнал маяка» — атмосферная семейная сага о памяти, доме и мужестве оставить рядом несколько несовпадающих правд.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Последняя вахта	6
Глава 2. Две строки на погоду	11
Глава 3. Красная нитка	17
Глава 4. Список на берег	22
Глава 5. Лодка без имени	29
Глава 6. Право на копию	35
Глава 7. Пустой фонарь	42
Глава 8. Клавдия, 1937	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Влад Велирский

Журнал маяка

От автора

У каждого семейного рассказа есть чистовая версия. В ней поступки обретают ясные причины, ошибки становятся необходимыми поворотами, а люди будто заранее знают, кем окажутся через двадцать лет. Но настоящая память редко бывает такой ровной. Она хранится в поправках, паузах, чужих пометках на полях и в праве не рассказывать то, что другие уже приготовились услышать.

«Журнал маяка» — роман о нескольких поколениях людей, связанных одним местом и разными представлениями о долге. Маяк здесь не волшебный судья и не обещание вечного возвращения. Это работа, здание, источник света и предмет спора. А журнал — не готовая правда, а множество свидетельств, каждое из которых имеет автора.

Эту книгу лучше читать не как расследование единственной тайны, а как историю о выборе между красивой легендой и сложным согласием. Иногда сохранить прошлое означает не собрать все страницы под одной обложкой, а признать границы между ними.

Глава 1. Последняя вахта

Вера увидела маяк за три минуты до того, как катер вошёл в серую полосу дождя.

Башня стояла на дальнем краю Киверды, белая до первой галереи и почти чёрная выше, где штукатурку годами тёрло ветром. Днём огонь не работал, но стекло фонарного помещения ловило редкие просветы и возвращало их морю короткими бесцветными вспышками. В детстве Вера считала, что маяк узнаёт катера. Теперь она знала названия оптических деталей, сроки хранения вахтенных журналов и цену реставрации бумаги, но всё равно подняла руку, будто с берега могли ответить.

Никто не ответил.

На корме под синим тентом стояли два гробовых венка, коробка с лекарствами и свёрнутый рулон линолеума. Венки занял дождь; вода собралась в пластиковых листьях и делала их убедительнее. Линолеум придерживал ногой мальчик лет шестнадцати в оранжевом спасательном жилете. Он не отрывался от телефона, хотя связи после второго буя не было.

— Егору скажи, чтобы батарею берёг, — крикнул рулевой женщине у рубки.

— Егор тебя слышит, — ответил мальчик.

— Тогда почему я должен говорить через Светлану?

— Потому что ты всегда говоришь через Светлану.

Женщина у рубки даже не повернулась. На ней была зелёная штормовка с вытертыми плечами, на поясе — рация, в руке — папка, затянутая в прозрачный пакет. Когда катер ударился днищем о короткую волну, женщина первой подхватила коробку с лекарствами. Вера придержала венки.

— Вы Ланская? — спросила женщина.

— Вера.

— Светлана Рудакова. Я писала вам про справку для перевозки.

Вера узнала имя. Отец называл Рудакову то фельдшером, то председателем, то бедствием районного значения — в зависимости от того, чего она от него добивалась: пройти обследование, починить ступень или перестать хранить солярку рядом с печью.

— Справка у меня. И доверенность от мамы.

— Хорошо. После похорон зайдём в совет.

— Сегодня?

— Катер обратно послезавтра. До него надо решить, что едет первым рейсом.

Вера посмотрела на остров. За причалом теснились крыши, мокрые и низкие. Школа была закрыта восемь лет, магазин открывался три раза в неделю, а маяк всё ещё поднимался над ними так, будто один имел право не уменьшаться.

— Что именно едет?

Светлана переложила коробку на сухое место.

— Люди.

Она сказала это без нажима. От этого слово прозвучало окончательнее.

У причала катер принимали четверо. Они закрепили носовой конец, поставили шаткий трап и начали передавать груз цепочкой. Вера взяла свой чемодан, но Егор выдернул ручку из её ладони.

— Тут доска скользкая.

— Я вижу.

— Все видят перед тем, как падают.

Он пошёл впереди, таща чемодан одной рукой и придерживая рулон другой. На берегу пахло водорослями, мокрой древесиной и дизелем. Этот запах не изменился. Изменилось расстояние между домами: когда Вера была ребёнком, оно заполнялось людьми, сетями, велоси-

педами, собаками и тазами с бельём. Теперь между калитками лежали широкие пустые промежутки.

Отец лежал в клубе, потому что в их доме не помещались все, кто собирался проститься. Клуб назывался Домом острова, хотя занимал две комнаты бывшей конторы рыбопункта. В первой поставили гроб, во второй грели чай и резали хлеб. На стене висела фотография маяка при ясной погоде. Аркадий Ланский стоял рядом с настоящим маяком большую часть жизни, но для прощания его всё равно пришлось принести под фотографию.

Тамара сидела у окна. Она уменьшилась не от возраста, а от неподвижности: руки лежали на коленях одна поверх другой, плечи были сведены, словно мать боялась занять место соседнего стула.

— Ты промокла, — сказала она вместо приветствия.

Вера обняла её. Мать пахла сухими яблоками и аптечной мазью. Вера хотела спросить, почему та не позвонила сразу, когда отцу стало плохо, но рядом стояли люди, и вопрос пришлось бы произнести либо шёпотом, либо для всех.

— Я успела на первый катер.

— Он знал, что ты приедешь.

Этого отец знать не мог. Последние полгода они разговаривали трижды, и каждый разговор заканчивался спором о журнале. Вера просила передать тетради в муниципальный архив хотя бы на обследование. Отец отвечал, что бумага сто лет прожила у моря и переживёт городских специалистов. В последний раз он сказал: «После меня делай что хочешь». Вера положила трубку раньше, чем успела ответить.

Теперь эта фраза выглядела разрешением, которого она не хотела получать.

К гробу подходили по одному. Старики говорили Аркадию то, что не говорили при жизни: благодарили за починенную антенну, вспоминали ночные вызовы, ругали за упрямство. Молодая женщина оставила у фотографии связку ключей.

— От гостевого дома, — объяснила она Тамаре. — Он у нас зимой проверял трубы.

Отец никогда не рассказывал Вере про трубы. В её разговорах с ним жизнь острова состояла из ветра, линз и документов, за которые он сражался. Здесь у него были чужие ключи, списки лекарств, треснувшие ступени и привычка заходить в пустые дома после мороза.

Светлана встала последней.

— Аркадий Петрович принял маяк, когда нас на острове было сто восемьдесят четыре, — сказала она. — Сегодня зарегистрированы двадцать семь. Он считал, что число ничего не решает. Иногда был прав. Иногда из-за этого мы теряли время. Давайте запомним и то и другое.

В комнате стало тесно от молчания. Вера посмотрела на мать, ожидая возмущения, но Тамара кивнула.

После кладбища дождь прекратился. Земля на холме была тёмной, венки — слишком яркими. Могилу отца выкопали рядом с дедом, но лицом не к маяку, как просил Аркадий, а к низине. Каменистый грунт не позволил иначе.

— Он бы спорил, — сказал Егор, когда люди начали расходиться.

— Он и спорил, — ответила Светлана. — С землёй не договорился.

Егор улыбнулся, сразу отвернулся и понёс лопаты к сараю.

В доме отец остался повсюду, кроме комнат. Его куртка висела у двери. На кухне стояла кружка с тёмным ободком. На подоконнике лежал винт, обёрнутый полоской бумаги с датой. Но сами комнаты словно уже начали освобождаться: Тамара сложила книги в ящики, сняла занавески и подписала пакеты толстыми печатными буквами.

Вера поставила чемодан в своей бывшей комнате.

— Зачем ты всё собрала?

— Чтобы потом не выбирать в спешке.

— Светлана сказала про людей. Это она про зиму?

Мать разгладила край пакета.

— Про постоянное переселение.

— Всех?

— Кто согласится — в этом году. Остальных будут уговаривать весной.

— А маяк?

— Автоматика работает. Башню закроют.

Вера вышла в коридор и увидела на полу ещё четыре ящика. На одном было написано «МАЯК. БУМАГИ». Картон потемнел снизу.

— Ты положила журнал сюда?

— Старые тетради отец принёс после обследования башни. Сказал, наверху сыро.

Вера опустила на корточки. Крышка была перетянута бельевой верёвкой. Узел затянул отец: два оборота, петля короткая, свободный конец спрятан под шнур. Так он связывал всё, что считал временно закрытым.

— Его надо открыть.

— Не сегодня.

— Если картон набрал воду, там может быть плесень.

— Не сегодня, — повторила Тамара.

Вера убрала руку. Профессиональная привычка требовала изолировать влажные документы, отметить состояние, не переносить споры на бумагу. Дочь в ней хотела разрезать верёвку именно потому, что отец больше не мог запретить.

В дверь постучали один раз и вошли. Светлана сняла сапоги на коврик, поставила свою папку на табурет.

— Простите, что сразу. Завтра с утра комиссия по домам, потом погода портится.

Она достала три листа. На первом был список семей и предлагаемые адреса на материке. На втором — график рейсов. На третьем Вера увидела схему острова: красным отмечались здания, которые отключат от зимнего водоснабжения.

Дом Ланских был красным. Клуб — красным. Маяк обведён двойной линией.

— На башню есть отдельное решение? — спросила Вера.

— Предварительное. Консервация до обследования.

— Журнал входит в имущество маяка.

— Не весь. Служебные книги — да. Ваши вкладыши, письма, фотографии — нет. Поэтому я и пришла.

Светлана говорила так, будто спор уже разобран на части и каждой выдан номер. Вера невольно выпрямилась.

— Муниципальный архив готов принять документы. Можно сделать здесь филиал или сезонную экспозицию. Если связать консервацию с культурным проектом, появится другое финансирование.

— Вы подавали заявку?

— Я обсуждала с директором.

Обсуждала она один раз, в коридоре после совещания. Директор сказал: «Покажите состав и права — посмотрим». Из этих слов Вера за дорогу успела построить витрины, рабочее место смотрителя экспозиции и маршрут от причала.

Светлана перевела взгляд на мокрый ящик.

— Состав уже известен?

— В общих чертах.

— А состояние?

— Проверю.

— Права?

— Установлю.

— Тогда пока у нас не музей. Пока у нас мокрая коробка в доме, который останется без воды.

Тамара тихо сказала:

— Света.

— Я не против памяти, Тамара Андреевна. Я против того, чтобы память опять поставили впереди людей. В прошлый раз нам обещали ремонт причала, если мы подождём с переселением. Мы подождали. Причал вы сегодня видели.

Вера села напротив неё.

— Если жители уедут, остров перестанет быть посёлком.

— Для тех, кто уедет, он не перестанет быть островом.

— Это удобная формулировка.

— Нет. Удобная формулировка — «сохраним уклад». Ею хорошо объяснять, почему человек должен ещё одну зиму носить воду из колонки.

На кухне щёлкнул холодильник. Тамара вздрогнула, словно звук напомнил ей о присутствии электричества.

Вера посмотрела на схему. В детстве она ненавидела материковые квартиры с одинаковыми лестничными клетками. Ей казалось, что люди там живут без горизонта и потому легче соглашались на чужие решения. Теперь у неё самой была такая квартира, работа в пяти минутах от автобусной остановки и ванная, где горячая вода не зависела от ветра. Защищать остров из неё было проще, чем жить на нём в январе.

— Дайте мне до обратного катера, — сказала она. — Я разберу документы, свяжусь с музеем и подготовлю вариант, при котором журнал не вывозят навсегда. Это не мешает людям подать заявления на жильё.

— Не мешает, если вы не будете связывать одно с другим.

— Не буду.

Светлана достала ручку.

— Тогда запишем: документы осматриваются отдельно. Решения жителей — отдельно. Башня до комиссии закрыта.

— Я поняла.

— Егор не понял. Поэтому ключ от верхней двери у меня.

Тамара поднялась и поставила чайник. Разговор закончился не согласием, а перечнем границ. Вера знала, что такие перечни полезны. Она сама учила стажёров фиксировать происхождение каждого дела, не смешивать фонды и не считать соседство документов доказательством общей истории.

Когда Светлана ушла, мать разлила чай в две кружки.

— Ты правда не будешь связывать журнал с переселением?

— Я не могу запретить людям уехать.

— Это не ответ.

Вера подвинула к себе мокрый ящик.

— Я не буду говорить за них. Но если маяк можно сохранить как рабочее общественное место, я должна попробовать.

— Маяк или журнал?

— И то и другое.

— Твой отец тоже всегда соединял.

Тамара взяла ножницы из буфета и положила рядом с верёвкой.

— Теперь можно открыть.

Вера перерезала шнур. Под крышкой лежала промасленная ткань, сухая с внутренней стороны. Отец предусмотрел сырой картон. Верхняя тетрадь была новой, с печатной табли-

цей метеонаблюдений. Под ней — книги в серых и синих коленкорových обложках, несколько папок, пачка фотографий.

Вера надела тонкие перчатки, которые носила в дорожном наборе, и стала вынимать тетради по одной. Корешки держались. На краях не было свежего налёта. Она чувствовала облегчение почти как благодарность отцу и злилась на себя за него.

На дне лежал самый старый журнал. Его обложка выгнулась, углы обнажили картон. Вера открыла книгу примерно посередине. Таблица делила страницу на часы, направление ветра, видимость, состояние огня и примечания. Почерк прадеда она знала по оцифрованным письмам: узкие буквы, длинные верхние петли.

Между двумя страницами выступал край бумаги другого цвета.

— Мам, это что?

Тамара не подошла.

Вера осторожно приподняла лист. Он был уже страницы, пришит к внутреннему полю красной ниткой. На нём стояли две строки, написанные фиолетовыми чернилами:

«Свет держала Анна. В журнал меня не вписали».

Ниже другим почерком было добавлено:

«Не исправлять. Спросить её саму».

Вера прочитала ещё раз. Анна — её бабушка — родилась позже даты на соседней странице. Значит, либо лист находился не на своём месте, либо семейные имена повторялись, либо кто-то хотел, чтобы запись нашли именно здесь.

— Какая Анна?

Тамара смотрела на красную нитку, не на слова.

— Закрой журнал.

— Ты знала про этот лист?

— Закрой, Вера.

— Здесь ошибка в дате. Или его переставили.

— Отец просил сначала прочитать тебе другое.

Мать вышла в коридор и вернулась с конвертом. На нём рукой Аркадия было написано: «Вере. Только после того, как она увидит шов».

Вера положила конверт рядом с журналом. Бумага была обычной, современной, дешёвой. Красная нитка проходила сквозь старый лист ровными стежками и исчезала в корешке.

Отец знал, с какой страницы она начнёт.

За окном впервые за день включился маяк. Белый луч прошёл по потолку, задержался на стене и ушёл в море. Через несколько секунд вернулся.

Вера не открыла письмо.

Сначала она пересчитала тетради.

Глава 2. Две строки на погоду

К половине одиннадцатого на кухонном столе осталось место только для двух кружек и настольной лампы. Вера переставила сахарницу на подоконник, застелила клеёнку чистой хлопковой простынёй и разложила тетради в том порядке, в каком достала их из коробки. Двадцать три служебных журнала. Семь общих тетрадей. Четыре папки с письмами, квитанциями, школьными сочинениями и вырезками. Пачка фотографий в конверте из чёрной бумаги.

Она записала карандашом: «Первичный осмотр без изыятия. Условия — жилое помещение, искусственный свет, влажность не измерена».

— Ты даже дома разговариваешь как на работе, — сказала Тамара.

— Я записываю, что делаю.

— Я слышу.

Мать сидела у печи и распускала отцовский свитер. Шерсть была грубая, тёмно-серая. Тамара тянула нитку короткими движениями, и свитер понемногу терял форму: сначала исчез ворот, потом плечо. Вера старалась не смотреть. Ей казалось неправильным, что вещь, ещё утром похожая на отца, к ночи станет клубком.

Она взяла верхний журнал. На обложке отец наклеил белую полоску: «2019–2025». Последняя запись была сделана за три дня до его смерти. Видимость — двенадцать миль, ветер западный, огонь исправен. В примечаниях: «У крыльца вымыло левую ступень. Свете сказать».

Не «сердце болит». Не «позвонить Вере». Ступень и Света.

Вера закрыла книгу и занесла в опись состояние корешка. Потом второй журнал, третий. Чем дальше уходили даты, тем меньше оставалось отцовского почерка и тем чаще встречались руки, которых она не знала. Одни цифры стояли прямо, другие клонились, будто ветер действовал и внутри страниц. Между таблицами попадались хозяйственные строки: сколько привезли керосина, кто сменил стекло, кому отдали запасной ключ. Для официального документа журнал был слишком домашним. Для семейного — слишком равнодушным.

— Почему отец забрал их из башни? — спросила Вера.

— Сырость.

— Это ты уже говорила.

— Значит, ответ не изменился.

— Служебные журналы нельзя просто принести домой.

Тамара завязала распушенную нитку узлом.

— Некому было запрещать.

— Светлана могла оформить передачу.

— Светлана оформляла людям жильё, а Аркадий спасал бумагу. Каждый делал то, что считал срочным.

Вера отметила про себя это «спасал». Отец любил глаголы, после которых любое возражение выглядело неблагодарностью. Он не переносил вещи — спасал. Не удерживал семью — сохранял. Не исправлял чужие слова — приводил в порядок.

Самый старый журнал лежал отдельно. Вера пока не касалась листа с красной ниткой. Сначала осмотрела обложку, форзацы и корешок. Коленкор выцвел до неопределённого серого цвета, углы были сбиты, на нижнем поле расплылось старое водяное пятно. Никакого запаха плесени. На внутренней стороне крышки — след овальной печати и число, написанное синим карандашом: 14.

Она перелистнула несколько страниц, не раскрывая книгу до упора. Таблицы начинались в мае 1937 года. Погода, видимость, состояние огня. На полях — редкие пометы химическим карандашом. Там, где был вшит узкий лист, бумажный блок лежал неровно.

— Мам, принеси, пожалуйста, большую лупу из отцовского стола.

— Для чего?
— Посмотреть шов.
— Ты уже увидела.
— Я увидела красную нитку.
— Там других красных ниток не бывает.

Вера подняла голову.

— Откуда ты знаешь?

Тамара расправила на коленях то, что осталось от рукава.

— Потому что я их штопала. Красными нитками. Синие теряются в темноте, белые быстро становятся серыми. Твоя бабушка так делала и меня научила.

— Бабушка вшила лист?

— Я не это сказала.

Мать не пошла за лупой. Вера достала из дорожного набора маленькую складную. Свет лампы бил в глянцевую клеёнку, пришлось подложить под книгу лист серого картона. Она рассматривала проколы один за другим. Красная нить входила в бумагу аккуратно, но по обе стороны от неё виднелись старые отверстия — более широкие, с потемневшими краями. Когда-то лист крепился иначе. Его вынули, а потом пришили снова.

У нижнего стежка осталась петля прежней нити, почти бесцветная. Вера не стала вытягивать её пинцетом. Только записала положение и нарисовала схему.

— Его переставляли, — сказала она.

Тамара перестала распускать свитер.

— Куда?

— Я пока не знаю. На листе два ряда проколов. Красный шов поздний. Возможно, лист был в другой тетради или на другой странице.

— А возможно, нитка порвалась.

— Тогда старые отверстия совпали бы с новыми.

— Ты всегда так радуешься, когда человек ошибся?

Вера отложила лупу.

— Я не радуюсь.

— У тебя голос меняется. Становится быстрый.

Вера хотела возразить, но узнала правду. В фонде она именно так и говорила, когда находила неверную датировку или чужой лист в деле: быстрее, тише, без обычных пауз. Ошибка обещала порядок, который ещё можно восстановить.

— Мне нужно понять происхождение листа.

— Тебе нужно похоронить отца и поспать.

— Отца уже похоронили.

Тамара потянула нитку слишком резко. Шерсть оборвалась.

Несколько секунд они смотрели каждая на свою испорченную вещь: мать — на оборванную нить, Вера — на старые проколы. Потом Тамара встала, взяла кружки и вылила остывший чай в раковину.

— Письмо почему не открываешь?

Конверт лежал под блокнотом Веры. Она накрыла его не нарочно, но теперь жест выглядел как попытка спрятать.

— Сначала документы.

— Там отец объяснил бы быстрее.

— Или подсказал бы, что я должна увидеть.

— Это плохо?

— Для осмотра — да.

Тамара поставила перед ней свежий чай.

— Ты боишься, что мёртвый отец на тебя повлияет.

— Он влиял, когда был жив.

— И ты уехала. Значит, не так уж хорошо у него получалось.

Лампочка над плитой мигнула. В старом холодильнике задребезжал мотор. Вера посмотрела на окно: луч маяка прошёл ниже облаков и на мгновение высветил бельевую верёвку между сараями. У соседнего дома в одном окне горел свет. Остальные были чёрными.

Она вернулась к вкладному листу. Фиолетовые чернила первой строки выцвели сильнее, чем чернила второй. «Свет держала Анна. В журнал меня не вписали». Слово «держала» было написано с нажимом: перо дважды зацепило волокна бумаги. Внизу не было подписи.

— Какая Анна? — спросила Вера. — Не бабушка. Она родилась в сорок девятом.

— Ты сама ответила.

— Тогда кто?

Тамара помолчала. За стеной в трубе шумел ветер. Потом мать подошла к буфету и сняла с верхней полки жестяную коробку из-под индийского чая. Вера помнила её с детства: там хранили пуговицы, сломанные застёжки, два напёрстка и ключи, которые уже ни к чему не подходили. Тамара высыпала всё на стол и достала со дна сложенную четверо бумагу.

Это была схема семьи, нарисованная Аркадием. Имена шли сверху вниз, соединённые строгими линиями. Некоторые даты были исправлены. Возле прадеда Петра Ланского стояло имя его сестры: Клавдия. От Клавдии отходила короткая ветвь — сын Николай, затем две дочери. Одна из них, Анна, родилась в 1918 году и умерла в 1942-м.

— Двоюродная сестра твоего деда, — сказала Тамара. — В доме её называли Аннушкой, чтобы не путать с твоей бабушкой. Потом перестали называть совсем.

Вера подвинула схему к свету.

— Почему её нет на семейной фотографии у башни?

— Потому что фотографию сделали после её смерти.

— На обороте написано «вся семья».

— Все, кто был жив.

— А почему отец о ней не рассказывал?

— Рассказывал. Ты не слушала то, что не подходило к твоей любимой истории.

— К какой истории?

— Про четырёх зрителей Ланских. Прадед, дед, отец, потом ты в белой куртке на школьном празднике. Тебе нравилось стоять рядом с башней и объяснять приезжим, что свет у вас в крови.

Вера вспомнила белую куртку. Ей было двенадцать. Отец дал ей старую фуражку и позволил подняться на площадку, а потом три туристки попросили сфотографироваться с «маленькой смотрительницей». Она весь день говорила чужим взрослым, куда смотреть и как считать вспышки. Вечером Аркадий сказал, что Вера умеет держать внимание, как маяк держит курс.

— Мне было двенадцать.

— Поэтому я и не спорила.

— А потом?

— А потом ты уехала учиться на человека, который решает, что считать прошлым.

Вера сложила схему по старым сгибам, но Тамара забрала её и расправила снова.

— Не надо складывать. Бумага рвётся.

Они посмотрели друг на друга. Мать первой отвела взгляд.

— Анна работала на маяке? — спросила Вера.

— Помогала. Тогда все помогали.

— «Все помогали» — это способ не назвать работу.

— А «работала на маяке» — способ придумать ей должность, которой у неё не было.

— Она пишет, что держала свет.

— Пишет две строки.

— Значит, хотела, чтобы их сохранили.

— Или хотела, чтобы их прочитал один человек.

Тамара вернула схему в жестяную коробку.

— Не всякая бумага, которую сохранили, просится на стену музея.

Вера услышала в этих словах не рассуждение, а условие.

— Ты знала о листе.

— Знала, что есть вкладки.

— Об этой?

— Отец показал прошлой зимой.

— И что сказал?

— Что ты всё равно найдёшь.

— Больше ничего?

— Сказал, что ты увидишь работу там, где он видит семью.

— Очень удобно. Он оставил тебе одну половину фразы, мне другую, а теперь мы должны спорить вместо него.

— Мы и при нём справлялись.

Мать сказала это устало, без горечи. Вера вдруг поняла, что Тамара не защищает покойного мужа. Она защищает право не продолжать его разговор по составленному им сценарию.

Вера закрыла старый журнал полосой бескислотной бумаги, которую привезла с собой, и перешла к фотографиям. На первой — башня в строительных лесах. На второй — женщины у бочки с бельём. На третьей — четверо детей на перевёрнутой лодке. Подписей не было. Среди снимков нашлась молодая женщина с коротко остриженными волосами. Она стояла у двери фонарного помещения, прищурившись от света, и держала в руке рабочую рукавицу.

— Это Анна?

Тамара взяла фотографию за края.

— Не знаю.

— Похожа на Клавдию.

— Все худые люди на старых фотографиях похожи.

На обороте простым карандашом было написано: «А. после второй ночи». Ни года, ни места.

Вера положила снимок рядом с листом, не объявляя их связанными. Сходство ещё ничего не доказывало. Буква могла означать имя, должность, название бухты. «Вторая ночь» могла быть второй ночной сменой, вторым штормом, второй ночью после чьего-то отъезда.

И всё же две вещи рядом уже начинали рассказывать историю. Вера почувствовала знакомое искушение: дать истории заголовок раньше, чем появятся доказательства.

Она раздвинула их.

— Я сделаю технические фотографии, — сказала она. — Общие виды, обложки, повреждения. Без вкладки листа и личных снимков.

— Для кого?

— Для консультации с реставратором.

— С тем рыжим?

— Глеб не рыжий.

— Был рыжий.

— В школе.

— Значит, тот.

Тамара собрала распушенную шерсть в корзину.

— Из дома ничего не выносить. Фотографии никому не пересылать. В музей не звонить, пока мы не решим, что здесь наше.

- Служебные журналы могут быть не нашими.
- Вот когда узнаешь, тогда и будем говорить с хозяином.
- Чтобы узнать, мне нужно показать хотя бы описание.
- Описание показывай. Слова Анны — нет.

Вера записала условия на отдельном листе и прочитала вслух: «Оригиналы остаются в доме. До установления прав публикуются и пересылаются только общие фотографии обложек и технические описания состояния. Вкладные и личные материалы не копируются без отдельного согласия Тамары Ланской».

- Ты согласна?
- Я согласна, что ты это написала.
- Мне нужен ясный ответ.
- Да, Вера. Я согласна.

Мать поставила дату и расписалась. Почерк у неё был крупный, округлый, совсем не похожий на тесные отцовские строки. Вера подписала ниже. От этой простой процедуры стало легче обеим. Граница перестала зависеть от памяти о разговоре.

Вера закрепила телефон над столом на складной стойке и положила рядом линейку. Сняла обложки, корешки, водяное пятно, деформацию блока. Каждый кадр проверяла сразу. На экране старые вещи выглядели строже и беднее, чем в руках: исчезал запах, вес, звук страницы. Оставались поверхность и масштаб.

На четырнадцатом журнале Тамара ушла топить печь в спальне. Вера услышала, как открылась заслонка, как мать сломала щепу о край ящика.

Она вернулась к старой книге, чтобы снять нижний каптал. Поставила свет сбоку. На увеличенном изображении красная нитка отбрасывала тонкую тень, а рядом проступили не два, а три ряда проколов. Третий шёл не через вкладной лист. Он уходил в сгиб соседней служебной страницы, где была записана погода за 17 октября 1937 года.

Вера наклонила страницу, не раздвигая шов. У внутреннего поля виднелась узкая светлая полоса — бумага там когда-то была закрыта другим листом и меньше выпвела. Вкладка прежде лежала именно здесь, но выше и шире. Потом её вынули, подрезали по внешнему краю и пришили снова так, чтобы запись оказалась напротив другой даты.

Это была не случайная починка.

Кто-то переместил свидетельство Анны во времени.

Из спальни донёсся кашель матери. Вера выпрямилась и погасила боковую лампу. На телефоне остался снимок общего состояния шва: по их соглашению технический, без читаемого текста. Она не удалила его. Но и не сказала Тамаре о третьем ряде отверстий.

В этом не было нарушения записанных условий. Только нарушение того смысла, ради которого мать их поставила.

Вера почувствовала, как быстро профессиональная точность умеет становиться оправданием.

Тамара вернулась с пустым ящиком для дров.

- Заканчивай. Утром Светлана придёт со списками.
- Ещё пять минут.

Вера убрала журналы в сухой пластиковый контейнер, который привезла для образцов, проложив книги листами нейтральной бумаги. Личные папки оставила в коробке, но подняла её с пола на две табуретки. Старый журнал положила сверху, отдельно, завернув в промасленную ткань так же, как сделал отец.

Письмо Аркадия по-прежнему лежало под блокнотом.

- Возьмёшь его? — спросила Тамара.
- Вера сунула конверт в карман рубашки.
- Возьму.

— Откроешь?

— Не сегодня.

Мать кивнула, будто другого ответа не ждала.

Перед сном Вера вышла на крыльцо. Дождь закончился, но с крыши ещё капало. Маяк посылал свет над низкими крышами, по мокрой дороге и дальше, где остров уже нельзя было отличить от моря. Две строки Анны стояли теперь не на своей погоде. Кто-то выбрал для них другое число, другой ветер, другую ночь.

Вера открыла на телефоне технический снимок. При увеличении третий ряд проколов был виден отчётливо.

Она отправила Глебу сообщение без вложения: «Ты сможешь приехать на Киверду? Нужен осмотр переплёта на месте. Без изъятия и без копирования текста».

Ответ пришёл почти сразу:

«Если будет катер. И если ты сначала спросишь владельца».

Вера посмотрела на подписанный матерью лист, который просвечивал сквозь кухонное окно.

Владельца у найденной правды пока не было. Зато уже был человек, который однажды передвинул её на нужную страницу.

Глава 3. Красная нитка

Утром море стало ровным и тяжёлым. Катер пришёл без дождя, но привёз запах мокрого железа, три мешка почты и Глеба Сурова с двумя одинаковыми чемоданами.

С причала он выглядел тем же долговязым мальчиком, который когда-то чинил школьные атласы мучным клейстером. Только волосы стали не рыжими, а песочными, и вместо рюкзака он нёс серые кофры с предупреждающими наклейками.

— В одном инструменты, в другом инструменты на случай, если первый утонет? — спросила Вера.

— В одном одежда.

— Какая разница?

— Одежду можно сушить у печки. Бумагу после твоей самостоятельности — не всегда.

Он не обнял её, только поставил кофр на настил и посмотрел на башню. Маяк был виден целиком: белая штукатурка в серых потёках, тёмная галерея, застеклённый фонарь.

— Ключ у тебя?

— Нет. Работаем в доме.

— Уже разумнее, чем звучало в сообщении.

Накануне Вера получила у матери согласие на очный осмотр. Тамара продиктовала условие сама: Глеб не фотографирует личные записи, не берёт образцы, ничего не расшивает и не увозит. Вера вписала также, что специалист вправе осмотреть конструкцию переплётов и дать устное заключение. Подписи поставили втроём — Светлана зашла со списками и настояла, чтобы служебные книги не называли семейной собственностью до выяснения.

У причала Светлана уже ждала. Она проверила фамилию Глеба в своём листе, хотя знала его со школы.

— Обратный рейс в пять, — сказала она. — Если ветер не поднимется раньше.

— А если поднимется?

— Переночуете. В списках на переселение это ничего не изменит.

Глеб поднял кофры.

— Я приехал смотреть бумагу, не агитировать бумагу остаться.

Светлана впервые улыбнулась.

Дома Тамара отвела ему место в сенях для мокрой куртки и только потом поздоровалась. На столе лежал подписанный лист согласия. Рядом — коробка с журналами, которую Вера ночью переставила подальше от печи.

— Вы читали условия? — спросила Тамара.

— Читал.

— Вера умеет считать молчание согласием.

— На работе она считает согласием только три подписи и печать.

— На работе, — повторила Тамара.

Глеб раскрыл кофр. В нём были складной коврик, лампа, лупа, мягкие кисти, полоски бумаги, грузики в тканевых чехлах и маленькая камера на стойке. Камеру он оставил в футляре.

— Сначала ничего не трогаю, — сказал он. — Вы показываете порядок, в котором нашли книги. Потом решим, что можно открыть без вреда.

Вера подала свою опись. Глеб прочитал её целиком, задержался на словах «влажность не измерена» и вынул прибор.

— Теперь измерена.

— Я была здесь шесть часов.

— Бумаге всё равно, сколько у тебя было часов.

Тамара поставила перед ним чай. Вере не предложила.

Осмотр начали с новых журналов. Глеб не искал содержание. Он смотрел, как открывается блок, где натянуты нити, различаются ли листы по размеру, есть ли следы клея. Про каждую книгу говорил коротко, а Вера записывала.

— Фабричная тетрадь, ремонт корешка поздний. Эта без вмешательств. Здесь листы добавляли при ведении, обычная практика. Здесь обложка от другой книги.

— Как ты понял?

— Отверстия не совпадают. И год на обложке моложе бумаги.

Он произносил очевидное только после того, как показывал пальцем. В школе это раздражало Веру: Глеб никогда не спешил с ответом, если можно было сначала разобрать вопрос на части. Теперь его медлительность успокаивала. Каждая вещь получала не историю, а набор признаков.

На шестой книге он попросил вторую лампу. На девятой — переставить чай. На двенадцатой Тамара перестала следить за его руками и села у окна штопать наволочку.

— Эти три собирал один человек, — сказал Глеб.

— Отец? — спросила Вера.

— Я сказал: один человек. Нить одинаковая, шаг похож, узел спрятан одинаково. Но вот эту книгу пересобирали раньше. Другой материал и другая схема.

— Сколько вообще вмешательств?

— Пока вижу минимум четыре периода. Может быть больше.

Тамара подняла голову.

— Четыре ремонта?

— Не обязательно ремонта. Иногда блок распадался, иногда добавляли листы, иногда меняли обложку. А иногда разбирали исправную книгу.

— Зачем?

— Это уже вопрос не к переплёту.

Старый журнал Глеб взял последним. Вера развернула промасленную ткань. Узкий лист показался между страницами своей неровной кромкой.

— Текст не читаем, — напомнила Тамара.

— Мне хватит полей, — ответил Глеб.

Он осмотрел книгу снаружи, потом попросил Веру показать страницу, не раскрывая блок сильнее, чем вчера. Красная нитка легла в свет лампы.

Глеб долго молчал.

— Ты заметила третий ряд?

Вера почувствовала взгляд матери раньше, чем повернулась.

— Вчера поздно вечером.

— И не сказала, — произнесла Тамара.

— Я хотела сначала проверить.

— Ты уже проверила достаточно, чтобы вызвать человека с материка.

— Я вызвала его осмотреть переплёт.

Глеб не поднял головы.

— Если нужно остановиться, я остановлюсь.

Тамара положила наволочку на колени.

— Продолжайте. Теперь мне хотя бы понятно, зачем вы здесь.

Слова разрешали работу, но отнимали у Веры возможность считать, что ничего не произошло.

Глеб подложил под вкладку тёмную полосу, не касаясь шва инструментом.

— Лист подрезали после первого крепления. Видишь волокна по правому краю? Они свежее, чем верхний и нижний срезы. Красная нить не первая и не вторая. Ею закрепили уже уменьшенный лист.

— Можно определить когда?

— По одной нити — нет. Но краситель выглядит современнее бумаги. Не удивлюсь, если это последние десятилетия.

— Отец?

— Опять имя раньше признака.

Он перелистнул назад три страницы и остановился у сгиба.

— А это интереснее.

В бумаге шли проколы того же размера, что первый ряд на вкладке. Не напротив нынешней даты, а раньше. На полях сохранилась короткая поперечная черта фиолетовыми чернилами.

— Здесь он был сначала? — спросила Вера.

— Вероятно. Но не один.

Глеб показал светлые прямоугольники на двух соседних страницах. Бумага вокруг потемнела, а закрытые места сохранили первоначальный цвет. Один след соответствовал узкому листу Анны. Второй был шире и доходил почти до внешнего поля.

— Здесь лежала ещё одна вкладка, — сказал он. — Или несколько листов вместе.

— Их вырвали?

— Вынули из шва. Аккуратно. Разрыва нет.

Тамара подошла к столу.

— Аркадий показывал только один лист.

— Он мог не знать про второй, — сказала Вера.

Мать посмотрела на неё без гнева, и это было хуже.

— Ты сама в это веришь?

Вера не ответила.

Глеб проследил красную нить до корешка. Там она исчезала под полосой ткани, приклеенной позже основной конструкции.

— Чтобы закрепить её так, книгу нужно было открыть со стороны корешка. Не полностью разобрать, но снять часть покрытия. Кто бы это ни сделал, он умел обращаться с переплётom или очень старался.

Отец умел. Зимой он ремонтировал книги для всей Киверды: молитвенники, учебники, сборники рецептов. Никогда не называл себя переплётчиком, но знал, как спрятать узел и прижать ткань, чтобы та высохла ровно.

— Ты можешь установить последовательность всех переделок? — спросила Вера.

— Не за день. Нужны снимки в боковом свете, сравнение нитей, карта проколов по каждому развороту.

— Сделаем здесь.

— Мы не договаривались о снимках, — сказала Тамара.

— Без текста. Только конструкция.

— Нет.

— Мам, это поможет понять, что утрачено.

— Нет.

Глеб убрал тёмную полосу.

— Тогда составлю схему от руки.

Вера услышала в его голосе предупреждение ей, а не поддержку матери. Он уже видел технический снимок, который она сделала ночью: перед приездом Вера показала его на телефоне, чтобы объяснить задачу. Глеб не спросил, было ли разрешение. Теперь понял ответ.

Он рисовал почти час. Отмечал каждый прокол, светлые следы, остатки нитей. Тамара вернулась к окну. Вера диктовала размеры и чувствовала, как возможность получить точную фиксацию уходит вместе с дневным светом.

Когда Глеб перешёл к следующей тетради, у калитки хлопнула дверца машины. Светлана вошла без папки, но в резиновых сапогах до колен.

— Катер уйдёт в четыре. Ветер разворачивается.

— Мы успеем, — сказал Глеб.

— Вы — да. Вера остаётся до комиссии по домам.

— Я не соглашалась.

— Ты просила время на опись. Комиссия завтра посмотрит ваш дом и клуб. Обратный катер после обеда, если будет погода.

Тамара сказала:

— Пусть остаётся.

Это были первые слова за час, обращённые к дочери не через Глеба.

Светлана осмотрела разложенные книги.

— Нашли музей?

— Нашли несколько переделок, — ответила Вера.

— Они делают людям теплее?

Глеб закрыл карандаш колпачком.

— Они делают дорожке сохранение оригиналов.

Светлана кивнула, будто получила полезное число.

— Вот это запишите. Без легенд.

Она ушла предупреждать остальных о раннем рейсе. Тамара стала собирать Глебу еду в дорогу. На несколько минут кухня опустела: мать вышла в кладовую, Глеб понёс кофр в сени.

Старый журнал лежал раскрытым под лампой.

Вера достала телефон.

Ей хватило бы трёх кадров: общий вид разворота без читаемого текста, проколы у сгиба, след широкой исчезнувшей вкладки. Она наклонила лампу, закрыла строки полосами бумаги и сняла первый кадр. Потом второй. На третьем телефон беззвучно изменил фокус, и в нижнем углу показалась короткая запись на соседней странице.

Вера прочитала её через экран раньше, чем успела опустить телефон:

«Лист К. снять до проверки».

Строка была написана не в погодной таблице, а на внутреннем поле, очень бледно. Невооружённым глазом её почти скрывал сгиб. Почерк не походил на отцовский: буквы были угловатыми, чернила — те же фиолетовые, что у Анны.

Значит, пропавший широкий лист мог принадлежать Клавдии. И сняли его не ради ремонта.

— Убери телефон, — сказал Глеб из дверей.

Вера вздрогнула и нажала блокировку.

— Текст закрыт.

— Не весь.

— Я удалю третий кадр.

— А первые два?

— Они нужны для работы.

— Согласие тоже нужно для работы.

Из кладовой послышались шаги Тамары. Глеб взял со стола свою схему и свернул её в трубку.

— Я не буду брать твои снимки, — сказал он тихо. — И заключение дам только по тому, что видел сам.

Тамара вошла с пакетом пирогов.

— Что видели?

— Четыре периода вмешательств, — ответил Глеб. — Красная нить — самый поздний. Раньше рядом с листом Анны находился ещё один материал. Его вынули аккуратно. Чтобы сказать больше, нужен новый договор о фиксации.

Он посмотрел на Веру.

— Не новые фотографии. Новый договор.

Тамара завязала пакет и подала ему.

— Я подумаю.

До причала шли втроём. Ветер уже гнал по дороге сухие листья и обрывки водорослей. Глеб нёс кофры, Вера — папку со схемой, Тамара — пакет, который он так и не взял.

У трапа Глеб остановился.

— Позвони, когда решите про фиксацию. Оба решите.

— А если погода закроет рейсы?

— Тогда книги полежат без моей точности. Они уже почти девяносто лет лежат.

Катер отвалил от причала. Тамара дождалась, пока он развернётся носом к материку, и пошла домой. Вера осталась у воды.

В телефоне были три фотографии, сделанные против прямого запрета. На третьей читалась только одна чужая строка. Она могла стать первым ключом к пропавшему листу Клавдии — и первым доказательством того, что Вера начала повторять отцовский способ: сохранять правду так, чтобы никто не мог помешать.

Она удалила третий кадр.

Потом открыла папку удалённых файлов и увидела, что снимок будет храниться там ещё тридцать дней.

Палец задержался над кнопкой окончательного удаления.

Со стороны посёлка Светлана крикнула, чтобы Вера помогла Егору составить список вещей для вывоза из радиорубки.

Вера погасила экран, не нажав кнопку.

Глава 4. Список на берег

Радиорубка занимала две комнаты в пристройке к клубу и пахла пылью, нагретой изоляцией и мокрыми рукавицами. Когда-то здесь принимали сводки для маяка, потом звонили на материк фельдшеру, а последние годы Егор выходил по вечерам на связь с теми, кто ещё помнил позывной Киверды. На двери висела выцветшая табличка «Посторонним вход воспрещён». Под ней кто-то шариковой ручкой приписал: «Свои тоже стучат».

Егор не постучал. Он толкнул дверь плечом, внёс пустой пластиковый ящик и поставил его на стол.

— Сюда то, что едет первым рейсом. В угол — что остаётся до весны. Не перепутайте.

— А ты уже решил, что останется? — спросила Вера.

— Светлана сказала составить список. Не решить.

Он говорил с нарочитой точностью взрослого, которому слишком часто напоминали его возраст. На нём был старый свитер Аркадия: Вера узнала тёмную штопку на локте. Отец надевал его под ватник, когда ходил проверять запоры после метели. На Егоре рукава были короткие.

Вера разложила на столе бланки. Светлана выдала их у клуба вместе с простым правилом: каждая вещь получает номер, состояние и назначение. Отдельной графы «дорога как память» не было.

— Начнём с того, без чего нельзя передать сообщение, — сказала Вера.

Егор указал на большой серый приёмник.

— Без этого.

— Он работает?

— Работал вчера.

— Это не состояние.

— А «удовлетворительное» — состояние? Все так пишут, когда не знают.

Вера посмотрела на пустую клетку и записала: «Включается, приём проверен четырнадцатого октября со слов Егора Савина; техническая диагностика не проводилась».

— Вот теперь мы честно не знаем, — сказала она.

Егор прочитал через её плечо и кивнул. Они сняли размеры приёмника, переписали маркировку, проверили, не осталось ли в ящике батарей. Затем перешли к переносной станции, двум бухтам кабеля и инструментальному футляру. Вера не включала аппаратуру и не пыталась определить её пригодность. Она фиксировала только то, что видела. После вчерашнего ей хотелось, чтобы у каждой строки было разрешение на существование.

За окном ветер прижимал траву к земле. Клуб стоял выше причала, и отсюда было видно, как катер Глеба превратился в тёмную точку у материкового берега. Телефон в кармане казался тяжелее связки ключей. Фотография с фиолетовой строкой всё ещё лежала в корзине.

— Аркадий говорил, зимой приём лучше, — сказал Егор.

— Почему?

— Не знаю. Говорил — чище. Я хотел проверить.

— Проверка должна быть безопасной.

— Здесь безопасно.

Он постучал костяшками по столу. Под ладонью дрогнула кружка с россыпью винтов.

— В комнате, может быть. А добираться сюда?

— Из школы две минуты.

— Если школа будет открыта.

— Поэтому и нужны дежурства. Если оставить пост, будут топить школу и клуб. Не оставят же аппаратуру мёрзнуть.

Логика замыкалась сама на себе: радиорубка требовала людей, а присутствие людей оправдывала радиорубку. Вера узнала этот ход слишком легко. Так она сама думала о маяке: если сохранить архив, понадобится помещение; если понадобится помещение, появится причина сохранить маяк.

Егор снял со стены тетрадь в клетчатой обложке.

— Тут расписание. Я, Аркадий Петрович, дядя Коля. Иногда Татьяна Борисовна.

Последняя заполненная строка была недельной давности. Напротив имени Аркадия стоял прочерк. Ниже Егор уже начертил новую таблицу до конца декабря и вписал себя через день.

— Кто согласовал?

— Мы всегда так делали.

— Это не ответ.

— Вы тоже всегда приезжали на три дня и решали, что важно.

Он положил тетрадь на стол резче, чем требовалось. Вера не нашла возражения, которое не подтвердило бы его слова.

— Давай внесём её отдельно, — сказала она. — Как журнал сеансов, не как утверждённый график.

— До весны она остаётся здесь.

— Пока мы описываем.

— Вы всё время говорите «пока», когда хотите сказать «нет».

В пристройке хлопнула наружная дверь. Светлана вошла в куртке, с папкой под мышкой и термосом в руке. На сапогах блестела вода.

— Кто хочет сказать «нет»?

— Никто, — ответила Вера.

— Тогда я вовремя.

Светлана поставила термос возле порога, чтобы не задеть бумаги, и пробежала глазами первые строки описи.

— Хорошо. Номера на вещи не клеить, пока не решим, чем. Старый скотч с корпусов потом снимается вместе с краской.

Егор подал ей тетрадь.

— Зимние дежурства.

— Нет.

Он посмотрел на Веру, будто требуя перевести это слово на менее окончательный язык.

— Почему? — спросила она.

Светлана открыла папку. Внутри лежали три листа, исписанные её мелким почерком.

— Потому что связь для экстренных случаев переводят на материковый узел. Спутниковые телефоны выдадут двум последним группам до отъезда. После переселения регулярной вахты здесь не будет.

— Радио работает независимо, — сказал Егор.

— Аппаратура зависит от питания. Питание — от генератора. Генератор — от топлива и человека, который его обслуживает. До клуба нужно идти по дороге, которую зимой никто не чистит. В школе печь, дымоход и запас дров только на первые холода. Один несовершеннолетний в эту схему не превращается в службу.

— Я не один. Дядя Коля останется.

— Николай подал заявление на квартиру в Лодейске и уезжает вторым рейсом.

Егор побледнел.

— Он мне не сказал.

— Он не обязан сначала согласовывать с тобой жильё.

— А Татьяна Борисовна?

— Ей назначено обследование. Она будет у дочери.

— Значит, вы всех по одному уговорили, а теперь говорите, что никого нет.

Светлана закрыла папку.

— Я никого не уговаривала. Я спрашивала каждого, чего он хочет и что ему нужно. Это разные разговоры.

— А остров спросили?

— Остров не мёрзнет в доме и не ждёт скорую трое суток.

Егор отвернулся к окну. Между его лопатками свитер натянулся, и Вера опять увидела отцовскую вещь, только теперь она не грела память, а делала мальчика похожим на сменщика, которого никто не назначал.

— Можно сохранить помещение без постоянной вахты, — сказала Вера. — Законсервировать оборудование, сделать сезонный пост.

— Можно, если обследование признает пристройку безопасной и найдутся деньги на хранение, — ответила Светлана. — Пока у нас нет ни первого, ни второго.

— А деньги на вывоз есть?

— На приоритетный груз — да. На всё подряд — нет. Поэтому вы составляете список.

Светлана развернула свой лист. В первой колонке стояли вещи, которые требовалось забрать до непогоды: переносная станция, аккумуляторы, документы с персональными данными, исправный инструмент. Во второй — то, что можно было оставить после отключения и упаковки. В третьей — предметы, за которыми никто не закрепил ответственность.

— Здесь нет стационарного передатчика, — сказал Егор.

— Потому что его нельзя просто поднять и увезти. Нужен специалист.

— Значит, он остаётся.

— Значит, решение отложено до осмотра.

— «Пока», — сказал Егор Вере.

Она сделала вид, что занята бланком.

Опись продолжили втроём. Теперь каждая вещь становилась спором о будущем. Светлана требовала указывать ответственного. Егор называл назначение. Вера пыталась соединить одно с другим без лишнего обещания.

«Наушники, две пары, одна с повреждённым оголовьем». Егор сказал: нужны для ночного приёма, чтобы не будить тех, кто спит в соседней комнате. Светлана спросила, кто будет спать в соседней комнате после переселения.

«Карта радиосвязи, настенная, 1998 год». Егор назвал её рабочей. Светлана — устаревшей. Вера записала оба определения в примечании и отметила, что карта содержит рукописные позывные; перед публичной передачей их следовало проверить.

«Журнал сеансов, двенадцать тетрадей». Егор хотел оставить последние две. Светлана требовала вывезти все, потому что в записях встречались фамилии, адреса и сведения о здоровье жителей. Вера поддержала Светлану.

— Вы же журнал маяка хотите оставить, — сказал Егор.

— Не оставить как есть. Сначала разделить служебное и личное.

— Здесь то же самое.

— Поэтому эти тетради нельзя бросить в неотапливаемой комнате.

— А старые можно?

Он попал точно в место, которое Вера сама обходила. Маячные журналы лежали в доме под присмотром Тамары, но дом тоже собирались закрыть. Для них не было ни утверждённого хранилища, ни согласованного вывоза. Только намерение Веры найти решение до отъезда.

— Нельзя, — сказала она. — Для них тоже нужен план.

— Вот и сделайте один план. Радиорубка, журналы, маяк. Чтобы сюда приезжали. Тогда будет кому дежурить.

Светлана налила чай в крышку термоса и протянула Егору. Он не взял.

— Приезжать и зимовать — разные вещи.

— Вы всё разъединяете, — сказал он. — Дом отдельно, работа отдельно, вещи отдельно.

А потом говорите, что ничего целого не осталось.

Светлана поставила крышку на стол.

— Целое — не когда все обязаны терпеть одно и то же. Целое — когда после решения никто не исчезает из списка.

Она сказала это спокойно, но пальцы у неё были красными от холода. Вера подумала о жителях, с которыми Светлана говорила по одному: о Николае, не сообщившем Егору про квартиру; о Татьяне Борисовне, выбравшей обследование; о Тамаре, уже сложившей дом в коробки. Общая воля острова существовала только в речах тех, кому не приходилось указывать новый адрес.

Егор взял чай.

— Я всё равно хочу остаться до Нового года.

— Тебе шестнадцать, — сказала Светлана. — Решение принимает твоя мать.

— Она на материке уже три месяца.

— И сегодня подтвердила, что ты едешь к ней.

Крышка термоса дрогнула в его руке. Чай выплеснулся на стол. Вера успела отдернуть опись, Светлана подхватила тетрадь сеансов. Егор поставил крышку и вытер лужу рукавом.

— Вы ей позвонили без меня.

— Я позвонила как глава совета и бывший фельдшер. У нас должен быть взрослый, который отвечает за тебя.

— Аркадий Петрович отвечал.

После этих слов в комнате стало слышно, как потрескивает пластик старого приёмника.

Светлана первой опустила глаза.

— Аркадий умер, Егор.

— Я знаю. Я гроб нёс.

Он вышел, задев плечом косяк. Наружная дверь хлопнула. Через окно Вера увидела, как он пересёк двор и пошёл не к школе, а к маяку, хотя башня была заперта.

— Надо за ним, — сказала она.

— Дойдёт до ограды и вернётся. Там замок.

— Ты могла сказать при нём, что звонишь матери.

— Могла. Он сбегал бы к передатчику и сидел здесь, пока не договорился бы с ней сам.

Его мать попросила не превращать это в торг.

— А ты согласилась.

— Я согласилась не оставлять мальчика одного на острове ради красивой преемственности.

Вера собрала промокшие листы. Чернила не расплылись.

— Ему нужна не преемственность. Ему нужно место, где он умеет быть полезным.

— На материке такие места тоже есть.

— Ты не можешь ему это гарантировать.

— Не могу. Поэтому не обещаю.

Светлана произнесла последнее слово без нажима. От этого оно прозвучало как замечание в протоколе.

Вера подошла к окну. Егор стоял у ограды маяка, держась за прутья. Башня возвышалась над ним, равнодушная к тому, кто считал её домом, работой или аварийным объектом.

— Есть программы для малых территорий, — сказала Вера. — Сохранение культурной инфраструктуры, локальные архивы, образовательные площадки. Можно объединить радиорубку с будущей экспозицией.

— Можно подать заявку, — поправила Светлана.

— Я найду грант.

Светлана не ответила сразу. Она переложила чистый бланк поверх мокрого, выровняла углы и спросила:

— Какой?

— Нужно посмотреть сроки. У нас в Лодейске музей участвовал в конкурсе малых проектов. Есть ещё областная программа.

— Название программы?

Вера знала два названия, но ни одно не подходило точно. Одна программа финансировала уже созданные муниципальные площадки, другая требовала софинансирования и права на помещение. У Киверды не было ни утверждённого музея, ни решения о статусе здания.

— Я уточню сегодня, — сказала она.

— Сумма?

— После сметы.

— Срок решения?

— Зависит от конкурса.

Светлана кивнула.

— Значит, гранта нет.

За окном Егор обернулся. Он не мог слышать разговор, но смотрел в их сторону.

— Пока нет, — сказала Вера. — Но я найду финансирование на сохранение радиорубки и архива. Подготовлю заявку, договорюсь с музеем. Нам не обязательно вывозить всё так, будто сюда никто не вернётся.

— Кому «нам»?

— Посёлку.

— Посёлок тебя не уполномочивал.

— Тогда вынесем на собрание.

— Собрание через двадцать минут.

Вера почувствовала, что может отступить сейчас и назвать сказанное идеей. Это было бы честно. Но Егор всё ещё стоял у ограды, на нём был отцовский свитер, а в бланке напротив передатчика оставалась пустая клетка «решение». Если Вера признает, что у неё нет ничего, кроме намерения, Светлана впишет вывоз или консервацию и перейдёт к следующей вещи.

— Вынесем, — повторила Вера.

Светлана собрала папку.

— Тогда формулируй точно.

Они закончили опись без Егора. Вера присвоила последний номер деревянному шкафу с запасными деталями. Светлана обозначила красным карандашом предметы первого рейса и поставила вопросительные знаки у стационарной аппаратуры. В графе «ответственный за решение» рядом с радиорубкой она написала: «Совет, после обследования здания и определения финансирования».

— Не «после получения гранта»? — спросила Вера.

— Получение не подтверждено.

Это должно было успокоить. Вместо этого Вера услышала сомнение в собственной способности сделать то, что уже почти объявила.

В клубе собрались семнадцать человек. Остальные передали заявления Светлане или уехали раньше. Стулья поставили полукругом, чтобы никто не сидел за президиумом, но Светлана всё равно оказалась у доски: только там помещалась карта домов.

Она говорила без вступления. Назвала даты рейсов, порядок медицинского сопровождения, ограничения по грузу и список помещений, которые комиссия осмотрит утром. После

каждого пункта спрашивала, есть ли возражения, и записывала их рядом, не пытаясь сразу опровергнуть.

Когда дошли до клуба, Егор уже сидел у двери. Свитер он сменил на куртку, застёгнутую до подбородка. На Веру не смотрел.

— По радиорубке составлена предварительная опись, — сказала Светлана. — Переносное оборудование и журналы сеансов вывозим. Стационарное решение — после обследования. Предложений два: консервация без зимней вахты или включение помещения в будущий культурный проект при наличии ответственного и финансирования.

— Какой ещё проект? — спросил Николай, сидевший у печки.

Вера встала.

— Музейная площадка вокруг истории маяка и посёлка. Не только семейные журналы. Радиорубка может стать частью живого архива: записи сеансов, рассказы жителей, сезонные занятия для школьников.

— А зимой? — спросил Егор.

Она посмотрела на него.

— Зимой — только если будет безопасная программа и взрослые ответственные. Сейчас этого нет.

Он отвернулся. По комнате прошёл шорох: кто-то складывал пакет, кто-то передвигал сапоги ближе к печи.

— Кто платить будет? — спросила Татьяна Борисовна.

— Я подготовлю грантовую заявку и найду финансирование, — ответила Вера. — Свяжусь с музеем в Лодейске и областными программами.

— Уже договорилась? — спросил Николай.

— Предварительный интерес есть.

Это было почти правдой. Заместитель директора музея утром написал: «Покажите, что нашли». Он не обещал ни участия, ни помещения, ни денег. Вера произнесла «интерес» и сразу поняла, как удобно слово заменило обязательство другого человека.

Светлана стояла у доски с ручкой над протоколом.

— Записываю: Вера Ланская обязуется до двадцатого октября представить совету перечень доступных грантовых программ, требования к заявителю и предварительную схему партнёрства с Лодейским музеем. Верно?

Можно было сказать: не обязуется, а попробует. Можно было убрать музей, с которым она не говорила. Можно было попросить неделю вместо пяти дней.

Егор впервые посмотрел на неё прямо.

— И радиорубку до этого не разбирают? — спросил он.

— Стационарное оборудование не разбирают до обследования, — ответила Светлана. — Это не связано с обещанием Веры.

— Связано, — сказала Вера. — Если будет подходящая программа, опись станет основой заявки. Записывай.

Светлана записала. Затем прочитала строку вслух, как читала все решения собрания. Ручка двигалась медленно, и каждое слово успевало приобрести вес: «обязуется», «представить», «партнёрство».

— Возражения?

Никто не возразил.

В конце жители расписались под протоколом. Егор подошёл первым, хотя права голоса у него не было, и поставил подпись в графе присутствующих. Вера расписалась после него. Светлана промокнула лист бумажной салфеткой, вложила в прозрачный файл и убрала в папку.

— Теперь не потеряется, — сказала она.

Люди разошлись быстро: ветер усиливался, каждому нужно было укрепить ставни и решить, что поместится в разрешённый груз. Егор задержался у двери.

— Если грант будет, я смогу вернуться?

— Грант не решает, где ты живёшь, — ответила Вера.

— Но радиорубку оставят?

— Я сделаю всё, чтобы её сохранили.

Он кивнул, удовлетворённый не точностью, а тем, что услышал обещание. Потом снял с крючка старую холщовую сумку и ушёл.

Светлана погасила свет над доской.

— Ты знаешь, что музей не может быть заявителем без решения учредителя?

— Знаю.

— И что совет посёлка прекращает работу после переселения?

— Не сразу.

— И что здание клуба не оформлено отдельно от школы?

— Всё это можно выяснить.

— Можно. До двадцатого октября.

Вера застегнула папку с копией описи.

— Ты специально внесла срок.

— Ты специально сказала «обязуюсь».

— Я сказала: найду финансирование.

— Это ещё сильнее.

Светлана надела куртку и взяла протокол.

— Твой отец тоже начинал с полезных обещаний. Сначала говорил, что сохранит чужие записи до согласия семей. Потом оказалось, что для сохранности удобнее собрать всё в одну книгу.

— Не сравнивай заявку с подменой журнала.

— Я сравниваю момент, когда намерение одного человека становится решением за остальных.

Она вышла. Вера осталась в пустом клубе. На столе лежала копия описи, испещрённая вопросительными знаками. Внизу Светлана добавила строку: «Оснований считать финансирование подтверждённым нет».

Вера достала телефон. В корзине оставалось двадцать девять дней до удаления фотографии. Над ней стояло новое сообщение от заместителя директора музея:

«Если есть запись 1952 года о лодке, пришлите читаемый кадр. Тогда обсудим, стоит ли подключаться».

Вера перечитала сообщение дважды. Про лодку она ему не писала.

Телефон показал слабый сигнал и время отправки: сообщение пришло ещё до собрания, но загрузилось только сейчас. За стеной Егор запирает радиорубку. Ключ повернулся два раза.

В официальном протоколе уже лежало её обещание найти деньги. На экране — условие первого возможного союзника. А дома, в старом журнале, светлый след широкой вкладки ждал листа, который кто-то снял до проверки.

Вера закрыла сообщение, не отвечая.

Глава 5. Лодка без имени

Дома Тамара снимала со стены фотографии.

Не все сразу: вынимала кнопки плоским ножом, разглаживала уголки и перекладывала каждый снимок листом папиросной бумаги. На столе уже лежали школьный выпуск Миши, Аркадий у новой линзы, Вера в жёлтом дождевике лет в семь. Без фотографий светлые прямоугольники на выпцветших обоях выглядели окнами в комнаты, которых больше не было.

— Музей знает про лодку пятьдесят второго года, — сказала Вера.

Тамара не обернулась.

— Какой музей?

— Лодейский. Заместитель директора написал: если есть запись о лодке, прислать читаемый кадр. Я ему про неё не говорила.

Нож остановился под кнопкой. Тамара осторожно вынула её и положила в жестяную коробочку.

— Значит, говорил отец.

— Когда?

— Откуда я знаю? Он двадцать лет собирался сделать здесь музей.

Это объяснение было удобным и потому не убедило Веру. Аркадий мог рассказать о журнале, о маяке, даже о семейном спасении. Но сотрудник музея написал не «история» и не «запись», а назвал год и лодку, словно держал перед собой опись.

Она открыла переписку. Первое сообщение от музея пришло вчера утром в ответ на её просьбу проконсультировать по сохранности фонда: «Покажите состав и состояние». Вера отправила общий перечень — двадцать три журнала, тетради, фотографии, письма — без дат отдельных событий. Затем снимки обложек. На одной обложке был только номер части и диапазон: 1951–1953.

— Ты никому не звонила? — спросила она.

— Мне есть чем заняться.

— Мише?

— Миша знает семейную историю с детства. Как и ты.

— Он знает, что журнал нашли?

Тамара сняла фотографию Аркадия. На стене остался прямоугольник почти белого цвета.

— Я сказала, что ты разбираешь бумаги. Он просил ничего не выбрасывать.

— И дал музею мой номер?

— Спроси у него.

Вера набрала брата. Телефон успел дважды сбросить вызов из-за слабого сигнала, прежде чем пошли длинные гудки. Миша ответил на фоне металлического гула.

— Я на смене. Что случилось?

— Ты говорил Лодейскому музею про лодку пятьдесят второго года?

Миша помолчал.

— Уже добрались до неё?

— Кто — «мы»?

— Я про тебя и маму. Вера, у меня погрузка.

— Музей написал про запись, которую я ему не называла. Откуда они знают?

— От отца, наверное. Он же возил им какие-то бумаги.

Тамара резко повернулась. Фотография в её руке хрустнула.

— Какие бумаги? — спросила она громко.

— Мам, я не знаю. Копии. Лет пять назад, может, шесть. Он приезжал ко мне, потом пошёл в краеведческий. Вернулся злой, сказал, что им нужен не фонд, а готовая легенда для стенда.

— Ты это раньше почему не сказал? — спросила Вера.

— А меня кто-нибудь спрашивал? Отец не велел маме говорить, потому что она запретила бы таскать семейное по учреждениям. Я решил, что они сами потом разобрались.

За его голосом лязгнул металл, кто-то позвал его по имени.

— Он оставлял там копии?

— Не знаю. Был конверт. Обратно вернулся без него.

— Как выглядел?

— Обычный коричневый. Всё, мне пора. Только не делайте из этого опять суд над покойником.

Связь оборвалась.

Тамара положила снимок Аркадия лицом вниз.

— Он обещал, что ничего не отдавал.

— Может, там были его выписки.

— Он обещал: ничего без меня.

Вера увидела на столе собственный телефон. В корзине лежал кадр, сделанный без согласия матери. Разница между ней и отцом пока измерялась только тем, что она не успела воспользоваться нарушением.

— Я не буду отправлять музею снимок, — сказала она.

— Какой снимок?

— Разрешённый. Никакой.

Тамара всмотрелась в неё, но не стала возвращаться к третьей фотографии. Вместо этого собрала кнопки в коробочку и защёлкнула крышку.

— Ты ведь всё равно хочешь открыть тот год.

— Хочу понять, что именно они знают. Для этого достаточно посмотреть разрешённый фрагмент. Без съёмки.

— А потом?

— Запишу описание от руки. Сначала покажу тебе. В музей уйдёт только вопрос: на основании какого документа они назвали лодку.

— И если ответят, что отец принёс копию?

— Попросим вернуть или ограничить использование, пока не выясним, чьи там записи.

Тамара провела ладонью по пустому месту на стене, будто проверяла, не осталось ли кнопки.

— «Попросим», — повторила она. — Не «потребуем»?

— Сначала выясним, что у них есть.

На этот раз мать кивнула.

Они перенесли на стол лампу, убрали фотографии и расстелили чистую хлопчатую простыню. Вера принесла коробку с журналом и лист согласия, составленный при Глебе. Тамара перечитала его от начала до конца. В строке о пределах осмотра добавила: «Страницы за август 1952 года, только в моём присутствии». Ниже приписала: «Без фото, копирования и передачи содержания третьим лицам до отдельного решения».

— Музейный вопрос — это передача содержания? — спросила Вера.

— Спроси, откуда знают. Не подтверждай, что запись есть.

Вера расписалась рядом.

Журнал раскрывался неохотно. Корешок тянул страницы к середине, и Вера не стала прижимать их ладонью. Подложила свёрнутые полосы мягкой ткани, как показывал Глеб. Бумага пахла пылью, остывшей печью и слабой горечью старого клея.

Август начинался ровными строчками прадеда, Семёна Ланского. Дата, часы вахты, видимость, ветер, состояние огня. Его почерк Вера знала по семейным открыткам: тяжёлые заглавные буквы, длинная перекида у «т», цифра семь с прямой спинкой. Между записями не оставалось воздуха. Даже замечания о непогоде помещались в отведённые графы.

Семейную легенду рассказывали иначе.

В конце августа к острову ночью вынесло лодку без огней. Семён будто бы заметил её в разрыве тумана, спустился к воде и один вывел на берег троих обессиленных рыбаков. Один из них потом каждый год присылал к Рождеству деревянную птицу. Три такие птицы стояли на кухонной полке, пока Миша не сломал одну мячом. Аркадий говорил, что лодку не внесли в сводку из-за чужого участка промысла: людям грозило наказание, и прадед спас не только их самих, но и их имена.

Вера дошла до двадцать седьмого августа. В графе ночной вахты значилось: «Огонь исправен. Видимость переменная». Ниже — ветер и давление. На следующей строке, тесно у нижнего поля, другими чернилами было добавлено: «Приняты с воды трое. Лодку отвели за малую грядку до утра».

Ни имён. Ни названия лодки. Ни причины, по которой люди оказались у острова.

— Вот, — сказала Тамара. — Значит, правда.

Вера не ответила. Полевая строка поднималась к правому краю, буквы были меньше служебных. В слове «трое» последняя буква уходила петлёй вниз; в «лодку» верхняя часть «д» была прижата к строке. Такой же тесный наклон она видела на хозяйственных списках Клавдии, хранившихся в синей папке. Но сходство по памяти не было установлением автора.

— Запись не говорит, кто их принял, — сказала Вера.

— На вахте был дед.

— По основной строке — Семён. Поле могло быть дописано позже.

— Опять позже.

Тамара произнесла это устало. За последние два дня каждое семейное доказательство оказывалось либо переставленным, либо дописанным, либо не принадлежащим тому, кому его приписывали.

Вера перевернула страницу. На обороте проступал слабый контур чернил, но продолжения не было. Следующий разворот сообщал о доставке керосина и проверке сигнального устройства. Она прошла вперёд до конца месяца. Лодка больше не появлялась.

— Где официальная сводка? — спросила Тамара.

— В папке с месячными выписками.

Папка лежала в той же коробке, отдельно от переплёта. Вера вынула её, не меняя положения журнала. Августовский лист был машинописным, с рукописной подписью Семёна внизу. За двадцать седьмое число: огонь действовал, нарушений не зафиксировано, обращений судов не было. В месячном перечне происшествий стоял прочерк.

— Он скрыл, — сказала Тамара. — Как папа и рассказывал.

— Или это добавили после составления сводки.

— Зачем?

— Чтобы сохранить событие, которого Семён не захотел или не мог внести официально. Или чтобы семейная история получила доказательство. Пока мы не знаем.

— Ты сама в детстве держала этих птиц.

— Птицы доказывают, что кто-то их вырезал.

Тамара отодвинулась от стола.

— Архивистка ты в Лодейске. Здесь можно помнить без твоего разрешения.

— Можно. Но нельзя выдавать память за подпись другого человека.

— И чью же подпись ты отнимаешь сейчас?

Вера снова посмотрела на поле. Под строкой шли крошечные косые черточки. Сначала она приняла их за след пера, потом увидела равные промежутки: отверстия. Они располагались не у корешка, как следы вкладок, а ближе к внешнему краю страницы. Четыре прокола, два почти скрыты чернилами.

— Здесь что-то было пришито, — сказала она.

Тамара наклонилась.

— Ты уверена?

— Нет. Могли закрепить записку. Или это старое повреждение. Нужен Глеб.

Она не коснулась проколов. Под другим углом лампы вдоль поля проступила светлая полоса шириной с ладонь — не такая, как у сгиба, где исчезла большая вкладка, а поперечная. Бумага вокруг выцвела сильнее, будто её долго прикрывал узкий лист.

Вера взяла карандаш и стала описывать увиденное: положение строки, цвет чернил, четыре отверстия, зона разницы в тоне. Не «почерк Клавдии», а «предварительно сходен с образцами, авторство не установлено». Не «снятая записка», а «возможный след крепления».

— Посмотри последнюю букву, — сказала Тамара.

— Где?

— В слове «утра». Клавдия так закрывала «а», когда сердилась.

— Откуда ты знаешь?

Тамара встала и пошла к буфету. Из нижнего ящика достала жестяную коробку из-под чая. Внутри лежали квитанции, рецепты, нитки и сложенный вчетверо лист.

— Она писала моей матери, когда Семён умер. Бабушка отдала письмо Аркадию, а он не положил его в журнал. Я забрала обратно.

Письмо было коротким. Клавдия сообщала время катера и спрашивала, кому передать ключи. Последняя фраза шла поперёк поля: «Про птиц детям не лги, они не за Семёна».

Та же прижатая «д». Та же петля в конце «трое». И замкнутая «а», на которую указала Тамара.

Вера прочитала фразу ещё раз.

— Что значит «не за Семёна»?

— Не знаю. Мама говорила, Клавдия злилась из-за наследства.

— Почему письмо не в семейной папке?

— Потому что отец решил: оно ничего не объясняет и только пачкает память деда. Потом сам же начал рассказывать про спасение всем приезжим.

— А ты спрятала его от отца.

— Вернула себе. Это письмо было адресовано моей матери.

Тамара сразу нашла слово, разделяющее хранение и присвоение. Вера не стала спорить. Письмо действительно не принадлежало журналу только потому, что говорило о нём.

— Можно положить рядом, не внутрь? — спросила она. — В отдельный конверт, с твоей записью, откуда оно.

— Для осмотра. Не для музея.

— Для осмотра.

Они сравнили строки, не накладывая лист на страницу. Сходство было сильным, но Вера всё равно оставила в описании слово «предварительно». Клавдия могла написать поле; могла переписать чужое сообщение. Узкая записка, когда-то закрывавшая часть страницы, могла содержать имена спасённых, объяснение или всего лишь расчёт керосина.

Широкая вкладка, чей след Глеб нашёл у сгиба, отсутствовала совсем. Вера вспомнила бледную фиолетовую строку на запретном снимке: «Лист К. снять до проверки». Если «К.» означало Клавдию, кто-то сначала вынул её свидетельство, а потом оставил предупреждение о нём на другом слое. Но доказательство этого хранилось только в кадре, которого не должно было быть.

Телефон завибрировал на подоконнике.

Музей прислал ещё одно сообщение: «Аркадий Семёнович показывал машинописную расшифровку. Подлинник мы не видели. В нашем экземпляре после строки о троих указаны фамилии. Если оригинал у вас, важно сопоставить».

Вера молча передала телефон матери.

— Они ответили без вопроса, — сказала Тамара.

— Значит, поняли по моему молчанию, что запись существует.

— Или знают больше, чем пишут.

Вера набрала: «Уточните, пожалуйста, кем и когда передана расшифровка, есть ли сопроводительное письмо и на каком основании экземпляр хранится в музее. До установления происхождения и прав прошу не использовать и не пересылать текст».

Показала Тамаре. Та прочитала и указала на слово «прошу».

— Слабо?

— Пока достаточно. Отправляй.

Сообщение ушло не сразу. Серый значок висел возле текста, пока телефон искал сеть.

— Фамилии могли быть на снятой записке, — сказала Вера. — Отец видел её до того, как вынул. Или получил копию от кого-то.

— Зачем ему вынимать доказательство, а музею отдавать расшифровку?

— Может, вынул не он. Может, расшифровка старше. Нам нужно найти конверт, его записи и ответ музея.

— А если фамилии настоящие?

— Тогда у этой истории есть другие семьи. И они не обязаны становиться частью нашей экспозиции только потому, что их лодку принял маяк.

Тамара посмотрела на три деревянные птицы над плитой. Две были тёмными, с широкими крыльями. Третью Аркадий склеил после Мишиного мяча, и светлая линия клея делила её грудь.

— Отец говорил, их присылал Пахомов, — сказала она. — Рыбак из Умбы.

— В нашей версии спасли троих. Почему запомнился один?

— Потому что он приезжал. Один раз, ещё до твоего рождения. Я думала, он и был в лодке.

— Ты с ним говорила?

— Нет. Они с Аркадием закрылись здесь. Потом отец вынес птицу и сказал, что теперь у нас полный набор.

— Как его звали?

— Илья, кажется. Или Игнат. Пахомов — точно.

Вера записала фамилию с вопросительным знаком. Не как имя спасённого, а как новый след. В Лодейске могли храниться списки артели, портовые ведомости, адресные карточки. Но прежде требовалось узнать, какие фамилии попали в машинописную расшифровку и имел ли Аркадий право их раскрывать.

Она закрыла журнал, поддерживая страницы тканевыми валиками, затем убрала письмо Клавдии в новый бумажный конверт. Тамара своей рукой написала на нём: «Письмо Клавдии Ланской моей матери. Для совместного осмотра. Не передавать».

— Ты всё ещё хочешь доказать музею, что прадед спас лодку? — спросила она.

Вера посмотрела на машинописную сводку с прочерком, на поле без имён, на едва заметные отверстия. У семейной легенды были событие, герой и благодарность. У документа — трое безымянных людей и чужой почерк, зажатый внизу страницы.

— Нет, — сказала она. — Я хочу узнать, кто написал поле, кто вынул лист и кому принадлежат фамилии. До этого никакого стенда про подвиг Ланских не будет.

— Даже если из-за этого музей не даст денег?

Вера вспомнила протокол собрания и собственное обещание до двадцатого октября. Проще всего было послать читаемый кадр, получить заинтересованность музея и уже потом оговаривать права. Именно так полезное намерение становилось чужим решением.

Она открыла корзину телефона. До удаления запрещённого снимка оставалось двадцать девять дней. Палец задержался над изображением, но Вера не стала ни восстанавливать его, ни стирать без матери и Глеба. Закрывает корзину.

— Даже тогда, — ответила она.

За окном луч маяка прошёл над тёмным двором и на мгновение осветил пустые прямоугольники на стене. Тамара взяла следующую фотографию, вынула первую кнопку и положила её в жестяную коробочку — отдельно от снимков, чтобы ни одна не потерялась.

Глава 6. Право на копию

Ответ из Лодейска пришёл в половине девятого утра, когда Тамара вынимала из печи противень с калитками, а Вера переписывала в чистовик описание августовского разворота. Телефон коротко звякнул и тут же звякнул снова: письмо, затем приложение.

«Уважаемая Вера Аркадьевна! Благодарим за уточнения. В связи с ограниченными сроками формирования областной заявки направляем типовой проект соглашения о партнёрстве. Для включения объекта в заявку просим подтвердить готовность правообладателей передать полный цифровой дубль комплекса документов и исключительное право на публикацию материалов сроком на десять лет».

Ниже стояло имя заведующей отделом, с которой Вера встречалась на конференциях и дважды пила невкусный кофе в музейном дворе. Это делало письмо хуже. Безымянному учреждению было бы легче отказать; знакомому человеку хотелось сначала объяснить.

Она открыла приложение.

Проект называл журнал «семейным архивом зрителей Ланских». В состав комплекса входили служебные журналы, вкладные листы, переписка, фотографии, расшифровки и «иные материалы, связанные с историей маяка». Цифровой дубль требовалось изготовить полностью, без пропусков. Музей получал исключительное право воспроизводить, публиковать, перерабатывать для выставочных и просветительских целей, предоставлять материалы партнёрам. Отдельная строка разрешала использовать фрагменты без дополнительного согласования с передающей стороной.

Вера дочитала до реквизитов и вернулась к первой странице. Слово «комплекс» повторялось девять раз. Оно превращало двадцать три служебных журнала, письмо Клавдии, фотографию Анны, машинописную расшифровку с чужими фамилиями и три технических кадра в одну вещь, у которой будто бы имелась одна ручка.

— Они прислали условия? — спросила Тамара.

— Проект. Не условия.

— Раз прислали бумагу с местом для подписи, значит, условия.

Вера положила телефон экраном вниз.

— Я распечатаю, когда дадут электричество по полной линии.

— Читай сейчас.

— Сначала отвечу, что состав материалов не определён.

— Читай, Вера.

Печь потрескивала громче, чем требовал маленький огонь. Тамара не сняла рукавицу, держала ею край противня и ждала.

Вера прочла письмо вслух. На «полном цифровом дубле» мать поставила противень на стол. На «исключительном праве» сняла рукавицу. Когда Вера дошла до десяти лет, Тамара спросила:

— А потом они вернут нам право говорить?

— Исключительное право можно ограничить способами использования. Здесь типовая формулировка, её надо менять.

— Они требуют всё?

— Они пока предлагают рамку.

— Письмо Клавдии тоже?

— По их определению — да.

— Нет.

— Я и не собиралась соглашаться на эту редакцию.

— Тогда напиши «нет».

Вера снова перевернула телефон. Внизу письма стояла приписка: подтверждение требовалось до двенадцати часов следующего дня. Областную заявку закрывали раньше, чем она обещала островному совету представить схему партнёрства. Если музей не включал маяк сейчас, следующего окна пришлось бы ждать до весны. К весне дом смотрителя мог стоять пустым, журналы — на материке в коробках, а башня — за строительным ограждением.

— Отказаться мы успеем, — сказала Вера. — Сначала нужно разделить материалы.

Она достала из хозяйственного ящика три школьные тетради. На первой написала: «Служебные». На второй: «Семейные». На третьей: «Чужие свидетельства».

Тамара посмотрела на надписи.

— Письмо Клавдии семейное?

— Адресовано твоей матери. Значит, решение о доступе принимаешь ты, пока не выяснено иное.

— А строка в служебном журнале?

— Сам переплёт и основные записи могли принадлежать службе. Поле написано, вероятно, Клавдией. Фамилии относятся к людям из лодки. Машинописная расшифровка могла быть сделана отцом. Это четыре разных основания на одном развороте.

— И музей хочет одним росчерком.

— Поэтому мы дадим им перечень без передачи прав.

Тамара взяла первую тетрадь, открыла на середине и написала крупно: «Кому сейчас принадлежит маячная служба?»

— Не знаю, — признала Вера.

— Прекрасно. А ты уже обещала музей.

Вера провела под вопросом прямую черту. Собственником башни могла числиться федеральная служба, земля могла быть муниципальной, дом смотрителя — поселковым имуществом, журналы — забытым ведомственным архивом или семейным хранением без оформленной передачи. То, что вещи сорок лет лежали у Ланских, не делало семью владельцем каждого написанного слова.

В тетради «Семейные» Тамара перечислила письмо Клавдии, фотографии из буфета, записки Аркадия и деревянных птиц. Потом птиц зачеркнула.

— Они не бумага.

— Но связаны с историей. В проекте есть «иные материалы».

Тамара вернула птиц и обвела дважды.

В третьей тетради появились фамилии из неизвестной расшифровки, вкладка Анны и снятый лист Клавдии — с вопросительными знаками возле каждого пункта. Вера добавила: «Голоса нынешних жителей — только по отдельному согласию». Она вспомнила, как на собрании уже связала радиорубку, архив и музейную площадку, хотя Егор соглашался описать оборудование, а не стать частью экспозиции.

— Вот это и пошлём, — сказала она. — Не документы. Карту прав и вопросов.

Тамара отодвинула тетради.

— Пошлём вопрос. Бумаги останутся здесь.

Связь в доме пропала прежде, чем Вера успела составить ответ. На телефоне исчезли полоски сети, затем вернулись две и снова исчезли. Она перешла к окну. Над морем висела низкая ровная облачность, берег напротив растворился, хотя дождя не было. На подоконнике лежала жестяная коробочка с кнопками от фотографий. Тамара поставила её туда вечером, чтобы не искать утром.

Вера набрала заведующей отделом. Вызов оборвался. Со второго раза услышала три слова: «Алло, плохо слышно», — и тишину. Тогда она написала письмо офлайн.

«Предложенная формулировка неприемлема. Комплекс не является единым объектом с одним правообладателем. Служебные записи, семейная переписка, фотографии, поздние рас-

шифровки и свидетельства третьих лиц требуют отдельного определения статуса и согласий. Готовы обсуждать техническое описание и выборочную оцифровку после составления перечня прав. Исключительное право на публикацию не передаём».

Последнюю фразу Вера показала матери.

— «Не передаём», — прочла Тамара. — Кто это «мы»?

— Ты и я.

— Миша?

— Я поставлю его в копию.

— Он уже согласился?

— Он не возражал против осмотра.

— Это не ответ.

Вера стёрла «не передаём» и написала: «Тамара Ланская не даёт согласия на передачу исключительных прав и полную оцифровку принадлежащих ей личных материалов».

— Теперь ты спряталась за мной, — сказала Тамара.

— Я точно указала твоё решение.

— А своё?

Вера добавила: «Как составитель предварительной описи я не подтверждаю возможность распоряжения журналом от имени всех заинтересованных лиц».

Сеть вернулась на несколько секунд, письмо ушло. Почти сразу пришло уведомление от Светланы: в полдень комиссия начнёт обход домов с северного конца; к четырём она ждёт от Веры сведения о партнёре и ответственном хранителе архива. Не обещание найти, а сведения.

— Я схожу к совету, — сказала Вера.

— Сначала поешь.

— Возьму с собой.

Тамара завершила две калитки в полотенце. Третью положила Вере на тарелку и не выпустила из кухни, пока та не доела.

У здания совета стоял микроавтобус комиссии, забрызганный серой грязью. В коридоре пахло мокрой одеждой и дешёвым дезинфицирующим средством. На стене висела схема переселения: улицы острова были разделены на четыре участка, рядом с каждым — время обхода и фамилия ответственного. Маяк и дом смотрителя обозначались отдельно, красным квадратом.

Светлана говорила с пожилыми супругами из крайнего дома. Она не торопила их, дважды повторила, что акт осмотра не означает согласия с предложенным жильём, и записала просьбу дать квартиры на одной лестничной площадке с дочерью. Вера ждала у двери, держа тетради под курткой.

Когда супруги ушли, Светлана сказала:

— Если ты про музей, у тебя семь минут.

— Музей готов войти в областную заявку, но прислал неприемлемый проект прав. Я предложила отдельную опись и выборочную оцифровку.

— Значит, музея нет.

— Переговоры есть.

— В протоколе нельзя расселить людей в переговоры.

— Я не связываю одно с другим.

Светлана развернула к ней лист. В графе «ответственный за вывоз культурно значимых материалов» стоял прочерк.

— Через неделю может не быть грузового рейса. Если журналы остаются в доме, мне нужен человек, который отвечает за отопление, пожарную безопасность и доступ. Если вывозятся — место приёмки. Твоя мама уезжает. Ты после комиссии тоже собиралась на материк.

— Я могу остаться до следующего катера.

— Можешь. Это не план на зиму.

Вера положила на стол три тетради.

— Нельзя назвать одного хранителя, пока мы не разделили собственность.

— Можно назвать человека, у которого ключ и обязанность не дать дому сгореть.

— Ключ будет у Тамары до отъезда.

— А потом?

Вера не ответила.

Из соседней комнаты позвали Светлану к телефону. Она поднялась, но у двери задержалась.

— Ты опять защищаешь бумагу будущим временем, — сказала она. — «Разделим», «согласуем», «создадим». У нас ветер уже сегодня.

Вера осталась за столом. В протоколе собрания её срок выглядел щедрым: до двадцатого октября. Теперь каждый день дробился на часы, в которые ещё можно было попасть в чужую заявку, на рейсы, которые могли отменить, на печи, которые кто-то должен был топить. Музей предлагал плохое решение, зато у плохого решения имелись реквизиты, ответственное лицо и место хранения.

Телефон поймал сеть. Пришёл ответ заведующей.

«Понимаем сложность состава. Передача прав оформляется после экспертизы. На текущем этапе достаточно предварительной заявки от правообладателя либо представителей наследников, подтверждающей намерение передать цифровую копию при согласовании условий. Без заявки не можем резервировать финансирование на выезд специалиста и оборудование. Форму прилагаю. Срок прежний».

В форме было меньше страницы. Название объекта. Местонахождение. Состав. Заявитель. Основание полномочий. Предполагаемый правообладатель. Готовность предоставить доступ. Внизу мелким шрифтом: «Подача формы не является договором об отчуждении исключительного права».

Вера прочла эту строку трижды.

Не договор. Не передача. Только вход в процедуру. Форму можно было отозвать, состав уточнить, условия изменить. Если сейчас назвать объект узко — «вахтенный журнал маяка за 1937–1968 годы с вкладными листами не установленного статуса» — музей пришлёт специалиста, Глеб получит оборудование, а семья выиграет время на опись.

В графе «заявитель» Вера написала своё имя и остановилась.

Основание полномочий.

«Дочь хранителя» было правдой, но не полномочием. «Архивист» описывало профессию, но не давало права. «Наследник» звучало убедительнее всех и доказывало меньше всего.

Она позвонила Мише.

— Я на объекте, — сказал он вместо приветствия. За его голосом гремел металл. — Что случилось?

— Музею нужна предварительная заявка, чтобы зарезервировать выезд. Не договор. Я хочу указать, что обращаюсь от наследников Аркадия. Потом каждое согласие оформим отдельно.

— Денег с нас не возьмут?

— Нет.

— Дом не заберут?

— Нет.

— Тогда подавай. Мамке объясни, я вечером наберу.

— Ты согласен, чтобы я указала тебя среди наследников?

В трубке что-то ударило, Миша ответил кому-то рядом и снова вернулся:

— Если это просто вызов специалиста — согласен. Вер, мне правда надо бежать.

Связь оборвалась раньше, чем она спросила, принимал ли он наследство и знал ли о письме Клавдии. Вера записала в блокноте время звонка и слова брата: «Согласен на заявку для вызова специалиста». Это было аккуратнее, чем полагаться на память, и всё равно не заменяло согласия Тамары.

Она открыла форму снова.

Светлана вернулась с папкой актов.

— Нашла хранителя?

— Музей может прислать специалиста и оборудование. Нужна предварительная заявка.

— Мать подписала?

— Заявителем могу быть я.

— Я спросила не это.

— Форма не передаёт прав.

Светлана села напротив.

— Когда человек начинает объяснять мне, чего бумага не делает, я спрашиваю, что она делает.

— Регистрирует намерение наследников предоставить доступ к журналу после согласования условий.

— Наследников — это кого?

— Меня, Мишу и Тамару.

— Все трое согласны?

Вера закрыла форму ладонью.

— Тамара согласна обсуждать сохранение. Она против полной копии и исключительных прав. Я это уже письменно сообщила музею.

— Тогда напиши от себя.

— От себя у меня нет основания просить финансирование семейного архива.

— Значит, основания пока нет.

Светлана взяла верхний акт. В коридоре уже ждали следующие жильцы.

— Я не запрещаю тебе подать заявку, — сказала она. — И не разрешаю. Только не вписывай островной совет туда, чего совет не читал.

Вера собрала тетради. На крыльце ветер вырвал из-под локтя полотенце, в которое была завернута вторая калитка. Полотенце ударилось о перила и повисло на гвозде; калитка упала в мокрый песок. Вера подняла её, смахнула налипшие крупинки и положила на край урны. С утра она всё делала так: спасала оболочку после того, как содержимое уже нельзя было вернуть.

До дома она не дошла. Свернула к радиорубке, где у окна лучше ловила сеть. Егор составлял перечень кабелей и наушников. Он молча подвинул ей стул, а сам продолжил читать маркировки на обороте приборов.

— Если я напишу «представитель наследников», это будет ложь? — спросила Вера.

Егор посмотрел на неё.

— Я в девятом классе.

— Справедливо.

— А наследники тебя выбрали?

— Брат согласен. Мать согласна сохранять, но не согласна на их условия.

— Тогда напиши: брат согласен.

— Музей не станет резервировать деньги ради доли одного наследника.

Егор снял с головы наушники.

— Когда мы список делали, ты сказала не писать «радиостанция в рабочем состоянии», потому что мы её не проверяли.

— Да.

— Напиши то, что проверила.

Вера поблагодарила его и открыла поле «основание полномочий». Можно было указать: «наследник Аркадия Ланского; согласие Михаила Ланского получено устно; согласие Тамары Ланской на объём доступа не получено». Такая заявка была бы честной и почти наверняка бесполезной. Можно было подождать вечера, собрать всех на звонке, потребовать от музея другую форму. К этому времени окно финансирования могло закрыться — или не закрыться, потому что крайний срок называл сам музей.

Она вспомнила пустую графу ответственного хранителя. Дом без Тамары. Ветер. Коробки, которые придётся перевозить без консерватора. Запись Клавдии, чьи чернила уже крошились у проколов.

В строке «основание полномочий» Вера написала: «Наследник; действует в интересах наследников семьи Ланских».

В составе объекта перечислила служебный журнал и вкладные листы, не включив письмо Клавдии, фотографии и машинописную расшифровку. В поле доступа указала: «После разграничения прав и письменного согласования состава цифровой копии». В примечании повторила, что исключительные права и полный дубль не обещаны.

Форма всё ещё оставляла возможность прочесть каждую оговорку. Но верхняя строка делала то, чего не делали нижние: превращала три разных голоса в одного заявителя.

Вера прикрепила файл к письму. Написала: «Направляю предварительную заявку для регистрации интереса. Прошу учитывать ограничения, изложенные в сегодняшней переписке». Палец завис над кнопкой.

— Не ловит? — спросил Егор.

— Ловит.

— Тогда почему не отправляешь?

Она могла вернуться домой. Могла показать Тамаре каждую строку. Мать сказала бы «нет», и слово оказалось бы окончательнее музейного срока, ветра и пустой графы. Вера вдруг поняла, что боится не потерять финансирование. Боится снова оказаться дочерью, которой разрешают только смотреть, пока взрослые решают, что сохранить.

Она нажала «Отправить».

Серый кружок возле письма вращался долго. Потом исчез. Через минуту пришёл автоматический ответ: «Заявка ЛМ-47/25 зарегистрирована. Заявитель: В. А. Ланская, представитель наследников семьи Ланских».

Не «действует в интересах». Не «один из наследников». Система сократила формулировку до той, которую Вера не решилась написать сама.

— Получилось? — спросил Егор.

— Зарегистрировали.

Он улыбнулся, будто она починила связь, и снова надел наушники.

Вера сразу составила уточнение: «Прошу исправить статус заявителя: я не являюсь уполномоченным представителем всех наследников». Письмо осталось в исходящих. Сеть снова пропала.

Домой она шла быстро, почти бежала. Тамара стояла у стола в пальто. Рядом лежала дорожная сумка, которой утром ещё не было. На экране её телефона светилось сообщение от Миши.

— Он хотел объяснить вечером, — сказала Тамара. — Но решил, что лучше предупредить сейчас: ты подала от нас заявку.

— Я подала предварительную. Она не передаёт прав. Я уже отправляю уточнение статуса.

— Покажи.

Вера протянула телефон. Тамара прочла автоматический ответ, потом открыла приложенную форму. Дошла до строки «действует в интересах наследников семьи Ланских» и подняла глаза.

- Я прямо написала, что доступ только после согласования.
- Ты написала от моего имени, что согласование будет.
- Нет. Что оно необходимо.
- А если я вообще не хочу, чтобы музей получал копию?
- Тогда не получит. Это не договор.
- Но заявка уже есть.

Вера услышала в собственном голосе знакомое терпение, с которым объясняла посетителям архива разницу между описью и делом, копией и оригиналом, доступом и публикацией. Термины были точными. Ни один не отвечал на вопрос, почему она не вернулась домой до отправки.

Тамара положила телефон на стол рядом с тремя тетрадями. В первой её рукой было написано: «Кому сейчас принадлежит маячная служба?» В третьей — имена, которых они ещё не знали.

— Отец тоже говорил, что ничего не отдаёт, — сказала она. — Только показывает расшифровку. Только спрашивает музей. Только сохраняет для всех.

— Я не отец.

— Тогда почему я узнаю о твоём «для всех» от Миши?

Вера открыла рот и не нашла ответа, который не начинался бы со срока, ветра или денег. Всё это было правдой. Всё это Аркадий тоже мог бы назвать правдой.

Телефон снова поймал сеть. Уточняющее письмо ушло, но автоматический номер заявки на экране не изменился.

Тамара взяла тетрадь «Семейные», письмо Клавдии в отдельном конверте и жестяную коробочку с кнопками.

— Куда ты это несёшь?

— Туда, где представитель наследников не решит за меня.

— Мама, журнал нельзя сейчас разделять без описи.

Тамара остановилась у двери.

— Журнал я не трогаю. Своё забираю.

Дверь закрылась негромко. Вера осталась перед тремя раскрытыми тетрадями. На странице «Семейные» после письма Клавдии белел прямоугольник, продавленный её конвертом. Впервые пустое место возникло не полвека назад и не по воле Аркадия. Его оставило решение, принятое минуту назад.

Глава 7. Пустой фонарь

Утром Тамары не было ни в спальне, ни на кухне. Исчезла дорожная сумка, а с крючка в сенях — непромокаемая куртка. На столе лежал ключ от дома и записка на обороте старой квитанции: «У Лиды. Не ищи разговора до комиссии».

Вера прочла записку дважды и поставила чайник. В жестяной банке нашлась заварка, рядом стояла чашка Тамары с коричневой сеткой трещин. Вера взяла другую. Этот выбор был таким мелким, что от него стало стыдно.

Она проверила телефон. Уточнение к музейной заявке приняли в работу, но запись в личном кабинете не изменилась: «представитель наследников семьи Ланских». Ниже появилась зелёная метка «предварительно одобрено». Музей зарезервировал выезд специалиста на двадцать второе октября.

То, ради чего Вера нарушила договорённость с матерью, получилось.

Она закрыла страницу.

За окном маячная башня стояла в сером воздухе, как пустой стакан. Днём её фонарь почти не замечали: линзы ловили редкие просветы, и тогда наверху вспыхивало бледное стеклянное ребро. После перевода огня на автоматический режим никто из Ланских не нёс там вахту. Аркадий всё равно каждый вечер выходил на крыльцо и смотрел, начался ли свет.

Вера говорила ему, что это привычка, а не обязанность.

— Привычки и есть обязанности, которые никто не оформил, — отвечал он.

Тогда фраза казалась ей красивой. Сейчас — удобной.

К полудню начался дождь. Он не падал, а шёл поперёк посёлка, оседая на окнах мелкой солью. Комиссия продолжала обход: у школы стояла машина Светланы, возле клуба складывали подписанные коробки. Вера решила отнести туда уточнённую опись журналов и письменное сообщение о заявке. Не Тамаре — пока не просила разговора. Светлане, потому что в её протоколе всё ещё пустовала графа ответственного за архив.

Она дошла до калитки, когда в доме погас свет.

Холодильник смолк. Электрический чайник, забытый на подставке, коротко щёлкнул. Вера подождала привычного возвращения сети, но тишина только раздвинулась: стали слышны дождь по крыше и часы в комнате Аркадия.

На улице хлопнули две двери. Кто-то крикнул от соседнего дома:

— Опять линия!

На столбе напротив не горела контрольная лампа. Вера набрала Светлану. Та ответила сразу:

— У вас тоже?

— Всё отключилось.

— Сиди дома. Дежурный уже смотрит. Резерв должен принять важные объекты.

— Я собиралась в клуб.

— Теперь не собирайся. Если понадобится помощь, позвоню.

Вера подошла к окну. Башня растворялась в дожде до половины, верхушка то появлялась, то исчезала. Светлана сказала «важные объекты», и Вера подумала о радиорубке. Потом — о холодильниках с лекарствами. О насосе. О людях, у которых электрический обогреватель был единственным теплом до растопки печи.

О маяке она подумала последним.

Телефон завибрировал в руке. Сообщение пришло от Егора: «У вас резерв есть?»

«Нет. Ты где?»

Ответа не было.

Вера набрала его. Сеть показала вызов, но гудков не дала. Она позвонила Светлане снова.

- Егор написал про резерв и пропал.
- Он должен быть с матерью.
- Проверь.
- Уже.

Вера стояла у окна, пока стекло не запотело от её дыхания. Через несколько минут Светлана перезвонила:

- Дома его нет. В школе нет. Мать думала, он в радиорубке с описью.
 - Я схожу.
 - Я сказала сидеть дома.
 - Он спрашивал меня про резерв. Я знаю, зачем.
- На другом конце повисла короткая пауза.
- К башне не подходи одна. Жди у клуба, я заберу тебя.

Вера натянула сапоги и куртку. У самой двери вернулась за связкой ключей, хотя ключа от башни среди них не было. Привычка Аркадия: уходя, брать всё, чем когда-нибудь можно что-нибудь открыть.

Машина Светланы появилась из дождя без сирены. На пассажирском месте лежали фонарь, аптечка и свёрнутый плед. Вера села, прижав папку с описью к груди.

- Оставь бумагу, — сказала Светлана.

Вера положила папку назад на крыльцо.

По дороге Светлана звонила матери Егора и дежурному, говорила короткими фразами, не обещая, что мальчика сейчас найдут. Резервное питание запустилось не везде. Причину ещё выясняли. Радиорубка была закрыта; окно цело, замок не тронут. Возле служебной дорожки к маяку на мокрой земле виднелись следы велосипедных шин.

— Он решил, что если погаснет фонарь, все скажут: маяк больше не нужен, — сказала Вера.

- Фонарь погас?

Они одновременно посмотрели вверх.

Башня была темнее тучи за ней. Даже днём в фонарном помещении обычно мерцал служебный огонь. Теперь за стеклом не было ничего.

Светлана выругалась вполголоса и остановила машину у ограды. Калитка была прикрыта. На цепи висел замок, но дужка не вошла в паз: кто-то сложил цепь так, чтобы издали она казалась запертой.

- Это не сегодня придумано, — сказала Светлана.

Вера узнала узел. Аркадий так оставлял калитку, когда ждал человека и не хотел возвращаться с башни вниз. Одно движение, понятное своим. После его смерти оно пережило хозяина и стало лазейкой.

У стены лежал велосипед Егора. На багажнике под резинкой мокла школьная тетрадь.

Светлана схватила Веру за рукав прежде, чем та шагнула к двери.

- Мы не знаем, что внутри.
- Егор там.
- Поэтому не побежим следом вслепую.

Она вызвала дежурного и сообщила, что в закрытой башне может находиться подросток. Велела держаться у входа, не включать и не трогать оборудование. Вера слышала только её половину разговора, но поняла: помощь уже идёт, а башня до осмотра считается опасной.

- Ключ у тебя? — спросила Вера.

Светлана достала из внутреннего кармана тяжёлый ключ с красной биркой.

- И дверь заперта снаружи?
- Должна быть.

Дверь оказалась закрыта, но ключ повернулся слишком легко. Светлана открыла её на ширину ладони и позвала:

— Егор!

Изнутри ответил глухой удар. Потом донёлся голос:

— Я здесь!

— Где именно?

— Выше площадки. Я нормально.

— Стой на месте. Ничего не трогай. Мы за тобой идём.

— Я почти дошёл!

— Ты уже дошёл до неприятностей. Дальше стой.

Светлана посветила в щель. Внутри пахло мокрым камнем, старой краской и чем-то резким, нагретым. Не дымом — Вера знала запах дыма, — но от него першило в горле.

— Ждём дежурного, — сказала Светлана.

— Он может полезть дальше.

— Тогда говори с ним.

Вера наклонилась к двери.

— Егор, это Вера. Ты меня слышишь?

— Да.

— Скажи, на чём стоишь.

— На площадке. Тут сухо. Я хотел только посмотреть, почему резерв не взял фонарь.

— Посмотрел?

— Щит закрыт. Ключа нет.

— Хорошо. Значит, твоя работа закончилась.

— Я могу подняться в фонарное. Там индикатор.

— Нет.

Слово получилось резким. Егор замолчал.

Вера прижалась ладонью к холодной двери и заставила себя говорить тише:

— Ты составил правильный список в радиорубке, потому что записывал только то, что проверил. Сейчас мы проверили одно: свет не работает. Остальное будут проверять люди, которые отвечают за башню.

— Они её просто закроют.

— Возможно.

— Тогда всё. Если фонарь не нужен, музей тоже не нужен. Они так и скажут.

Вера посмотрела на Светлану. Та не отвела глаз.

Ещё вчера Вера ответила бы, что старый фонарь — центр экспозиции, что без доступа к башне заявка теряет силу, что закрытие уничтожит возможность сохранить место целиком. Она уже слышала в голове нужные слова: временная мера, обследование, культурная ценность. Слова, которые объясняли, чего закрытие не означает, и обходили то, что оно означает сейчас.

— Музей не стоит того, чтобы ты шёл наверх один, — сказала она.

— А журнал стоит?

— Тоже нет.

Сверху что-то звякнуло.

— Егор?

— Это не я. Здесь капает.

Светлана снова вызвала его по имени и велела оставаться на площадке. Из дождя показался дежурный в защитной куртке, за ним — второй мужчина с сумкой. Они быстро переговорили со Светланой у машины. Вера не вслушивалась в названия приборов и узлов. Ей сказали держаться снаружи и продолжать разговор, пока специалисты оценивают вход.

Она рассказывала Егору про заявку музея.

— Я подала её без согласия мамы, — сказала она в тёмный проём.

— Зачем мне это?

— Чтобы ты не думал, будто взрослый человек, который говорит уверенно, обязательно знает, где заканчивается его право решать.

— Вы поссорились?

— Да.

— Из-за журнала?

— Из-за того, что я назвала сохранением то, на что не получила согласия.

Он долго не отвечал. Потом спросил:

— А если они фонарь совсем снимут?

— Я не знаю. Но ты не обязан доказывать его нужность собой.

Дежурный кивнул Светлане. Дверь открыли шире. Один специалист вошёл первым, второй остался у порога. Светлана шагнула следом и обернулась к Вере:

— Ты снаружи.

Вера кивнула. Ей хотелось сказать, что Егор доверяет ей и быстрее пойдёт на её голос. Хотелось напомнить, что она выросла в этой башне и знает лестницу. Оба довода были правдой. Ни один не давал ей подготовки, которой у неё не было.

Она осталась под дождём.

Голоса внутри сделались ближе. Светлана говорила спокойно, без своей обычной рублевой интонации:

— Не спеши. Смотри под ноги. Руку дай ему, не мне.

Показался луч переносного фонаря. Потом сапоги дежурного, серые штаны Егора, его бледное лицо. Он вышел, щурясь от дождя, и сразу попытался обернуться к башне.

Светлана развернула его к машине.

— Сел.

— Я не упал.

— Это не достижение.

— Там ничего не горит.

— Уже знаем.

— Если бы я не пошёл, вы бы не узнали.

— Мы увидели фонарь снаружи.

— Но про запах не увидели бы.

Светлана укутала его пледом и проверила руки, лицо, дыхание. Делала это без суеты, задавая простые вопросы. Егор сердился на каждый, но отвечал. Когда подъехала его мать, он перестал спорить и стал совсем ребёнком — мокрым, испуганным, слишком тонким под серым пледом.

Мать не ударила его и не закричала. Она села рядом в машину, обняла так крепко, что плед поднялся у него на плечах, и сказала одно:

— Ты мог не выйти.

Егор посмотрел на Веру, будто ждал опровержения.

Вера не отвернулась.

Специалисты ещё оставались внутри. Через несколько минут один вышел и сказал Светлане, что питание на объект подавать нельзя до обследования. Причину он назовёт в акте. В башню никого не впускать.

Светлана достала из багажника новую цепь. На этот раз замок вошёл в паз и щёлкнул громко, окончательно. Поверх двери она прикрепила белый лист в прозрачном файле: «Доступ запрещён до технического обследования». Поставила дату, время и подпись.

— Музейная комиссия должна приехать двадцать второго, — сказала Вера.

— Не войдёт.

- Им можно осмотреть дом и документы.
- Если собственники разрешат. В башню — нет.
- Я не спорю.

Светлана проверила замок, дёрнув цепь дважды.

- Ты всегда начинаешь спорить словами «я не спорю».
- Тогда запиши: Вера Ланская согласна с закрытием башни до обследования.
- Мне не нужно твоё согласие.

Дождь стекал по файлу с объявлением, но внутрь не попадал. Белый лист на старой двери выглядел новее всего маяка.

- Знаю, — сказала Вера. — Поэтому и согласна.

Светлана повернулась к ней. Усталость сделала её лицо старше, чем утром на комиссии.

— Твой отец после первого обрушения тоже предлагал закрыть только верхнюю площадку. Говорил, башня простояла сто лет и простоит ещё неделю. Потом водил туда гостей через нижний вход.

Вера посмотрела на сложенную цепь у калитки.

- Этот узел был его.
- Я догадалась.
- Егор видел, как он оставлял открытым.
- Значит, запишем и это.

Светлана достала блокнот. Не семейный журнал, не тетрадь Аркадия — дешёвый блокнот с клетчатыми листами. Записала время обнаружения незапертой калитки, велосипед, состояние двери, слова Егора. Попросила Веру прочесть и расписаться как свидетеля.

Вера прочла. В записи не было ни «наследственной беспечности», ни «героического спасения», ни даже имени Аркадия. Только то, что можно было подтвердить сегодня.

Она расписалась.

- Светлана, убери башню из моего предложения до отдельного обследования.
- Из какого?

— Из музейного. Я обещала площадку: радиорубка, архив, маяк. Башню обещать не имела права. Радиорубку — тоже, пока не решено, что остаётся для связи. Оставлю только работу с документами, если владельцы согласятся и найдётся безопасное место.

- Тогда у тебя не музей маяка.

- Тогда у меня пока нет музея.

Произнести это оказалось легче, чем написать заявление, и тяжелее, чем отправить его. Исчезала конструкция, ради которой Вера связывала грант, выезд специалиста, архив и здание. Оставались коробки, отдельные согласия и место приёмки, которого ещё не существовало. Всё снова становилось медленным и маленьким.

Зато Егор сидел в машине.

Светлана закрыла блокнот.

— В протоколе комиссии я укажу, что культурный проект не влияет на решение о переселении и не предполагает доступ в башню. Сама скажешь на собрании про своё предложение.

- Скажу.
- Не «скорректируем после экспертизы». Прямо.
- Прямо.

Они отвезли Егора и его мать домой. У крыльца подросток задержался, всё ещё завернутый в плед.

- Фонарь теперь пустой? — спросил он.

— Фонарь — это помещение, — ответила Светлана. — Оно не бывает пустым из-за того, что огонь выключен.

- Вы понимаете, о чём я.

— Понимаю. Поэтому отвечаю точно.

Вера сказала:

— Свет может работать без человека внутри. А место может быть важным, даже если в него нельзя входить.

— Звучит как табличка для музея.

— Значит, плохо сказала.

Егор впервые за весь день улыбнулся, но сразу спрятал улыбку и ушёл вслед за матерью.

В клубе комиссия ждала Светлану. Вера забрала с крыльца свою папку и вошла вместе с ней. В большой комнате пахло мокрой одеждой, бумагой и супом из школьной столовой. На стене висела карта переселения с цветными метками. Люди говорили тише обычного: новость о Егоре пришла раньше них.

Светлана встала у стола.

— Башня маяка закрыта до технического обследования. Сегодня во время отключения там обнаружили несовершеннолетнего. Он выведен, медицинская помощь на данный момент не требуется. Прошу родителей ещё раз проверить, где дети, и объяснить: никакого доступа на служебную территорию нет.

Кто-то спросил, будет ли теперь работать огонь. Светлана ответила, что сведения переданы ответственным службам и решение примут специалисты. Потом открыла протокол комиссии и перешла к следующему дому.

Вера могла промолчать. Её музейный пункт стоял ближе к концу повестки, и никто не требовал объяснений сейчас. Она увидела Тамару у дальней стены рядом с Лидой. На коленях мать держала ту самую дорожную сумку.

— Мне нужно дополнить сообщение, — сказала Вера.

Светлана посмотрела на часы, затем кивнула.

Вера вышла к столу без папки.

— В предложении, которое я озвучила раньше, маячная башня называлась частью будущей музейной площадки. После сегодняшнего происшествия я снимаю эту часть. Башня не может использоваться до обследования и отдельного решения ответственных служб. Радиорубка также не включается в проект, пока не завершены решения по связи. Сохранение документов будем обсуждать отдельно — по составу, правам и безопасному месту хранения. Заявка в Лодейский музей не даёт мне права говорить от имени всех наследников. Я уже потребовала исправить статус заявителя.

В комнате было слышно, как кто-то складывает мокрый зонт.

— А грант? — спросила женщина из первого ряда.

— Подтверждённого гранта нет. Я обещала представить варианты до двадцатого октября. Представлю, если останутся варианты, которые не требуют обещать чужое имущество и опасное здание.

— Значит, всё закрывают, — сказал мужчина у окна.

— Башню закрывают. Не память.

Фраза прозвучала слишком гладко. Вера уже хотела исправить её, но Тамара поднялась.

— Память тоже не открывают одним ключом, — сказала она.

Она не смотрела на дочь. Вышла из комнаты и оставила дорожную сумку у Лиды, словно собиралась вернуться.

Вера не пошла следом.

После заседания Светлана дала ей копию записи о происшествии и попросила до вечера письменно подтвердить изменения к музейному предложению. Вера села за крайний стол. Сеть появилась на одну полосу.

Она открыла письмо музею и удалила из описания проекта слова «доступ к историческому фонарному помещению». Затем убрала «сохранённая радиорубка». Осталось: «раз-

дельная опись документов, консервационная оценка, возможная выборочная оцифровка после установления прав и согласий».

Предложение стало почти в три раза короче.

Вера добавила: «Выезд специалиста не означает доступ в маячную башню. Заявитель действует только от собственного имени. Прошу подтвердить исправление карточки ЛМ-47/25 до любых дальнейших действий».

Она не написала «в интересах семьи».

Письмо ушло сразу.

Когда Вера вышла из клуба, дождь закончился. Над островом быстро темнело. В окнах домов один за другим загорался свет: сеть вернулась, люди проверяли чайники, холодильники, зарядки. На дальнем краю посёлка мигнула радиомачта.

Башня не зажглась.

Вера остановилась у дороги. Прежде пустой фонарь казался ей доказательством утраты: если свет погаснет, исчезнет последняя причина оставить Киверду на карте. Теперь темнота наверху обозначала другое — границу, которую наконец провели не по воспоминанию, а ради живого человека.

Она достала телефон и сфотографировала маяк издалека. Не для заявки и не для описи. Просто чтобы запомнить вечер, когда башню пришлось сохранить закрытой.

Глава 8. Клавдия, 1937

В ту ночь Семёна увезли, а погода в журнале осталась прежней.

Клавдия увидела запись утром: ветер северо-восточный, облачность сплошная, видимость удовлетворительная. Буквы шли ровно, только последняя строка оборвалась после слова «осмотр». Перо проткнуло бумагу и оставило крошечную звёздочку чернил.

За окном серело. В сенях стояли три пары чужих сапог, натаявшие лужи уже затянуло ледяной плёнкой. Люди, приехавшие ночью, забрали Семёна, его кожаную папку и два письма из сундука. Один спросил, кто ещё ведёт журнал. Семён ответил: «Никто».

Клавдия стояла у печи и не поправила его.

Теперь до смены огня оставалось меньше часа.

Она закрыла журнал, положила сверху промокательную бумагу и пошла будить Фёдора. Тот ночевал в кладовой на мешках с крупой, потому что после осенней проверки его поселили при маяке как временного рабочего. Фёдор был старше Клавдии на десять лет, умел латать крышу и ругался на всякую работу, которую нельзя было закончить молотком.

— Вставай, — сказала она. — Семёна увезли.

Фёдор сел, не сразу поняв слова.

— Куда?

— Не сказали.

— А ты чего здесь?

— Огонь сдавать.

Он посмотрел на неё так, будто увезли не Семёна, а лестницу внутри башни.

— Мне никто не поручал.

— Мне тоже.

Клавдия поставила на ящик кружку с водой. Руки у Фёдора дрожали после сна; он пролил половину на рубаху.

— Ты поднимешься, — сказала она. — Я останусь у журнала и часов. Сделаем как Семён показывал.

— Он мне не показывал.

— Ты смотрел.

Фёдор вытер рот ладонью.

— За самовольство тоже спрашивают.

Клавдия услышала «тоже» и поняла, что он уже решил, почему забрали Семёна. Не знал — решил. Так было легче: если причина известна, можно не повторять чужого шага.

— За тёмный огонь спросят раньше, — ответила она.

Они вышли во двор. Между домом и башней лежала полоска вчерашнего снега, истоптанная ночными людьми. Следы вели к причалу и обрывались у чёрной воды. Клавдия не смотрела туда. Она следила за Фёдором: тот шёл впереди, но дважды обернулся, проверяя, идёт ли она.

У входа в башню Клавдия остановилась.

— Я здесь буду.

— Боишься высоты?

— Нет.

Внутри она бы справилась лучше него. Семён учил её с шестнадцати лет, сначала украдкой, потом как само собой разумеющемуся: наблюдать свет, записывать часы, замечать отклонения, не изображать исправность там, где нужна заявка. Но если наверху их застанет посыльный или новый начальник, Фёдор сможет сказать, что спасал огонь после ареста смотрителя. Клавдия сможет сказать только, что является сестрой арестованного.

Фёдор вошёл. Клавдия осталась у двери и по памяти перечисляла ему порядок обычной сдачи, не касаясь того, чего не могла видеть. Когда он отвечал слишком быстро, просила повторить. Когда сказал «всё хорошо», спросила, что именно он проверил. Он рассердился, но стал называть наблюдаемое.

Огонь погас в положенный час.

Не случилось ни кораблекрушения, ни грома, ни знака на небе. Просто в стекле исчезло жёлтое движение, и башня стала дневной. Клавдия впервые подумала, сколько труда нужно, чтобы люди на берегу приняли свет за свойство здания.

В доме она открыла журнал на оборванной строке. Дописывать за Семёна было нельзя. Начать новую запись своим именем — тоже. Она взяла лист из хозяйственной тетради, провела сверху число и записала время сдачи огня, присутствие Фёдора и то, что смогла подтвердить сама. Там, где требовалось заключение смотрителя, оставила пустое место.

Фёдор прочёл через её плечо.

— Меня первым поставь.

— Ты первым и стоишь: «рабочий Фёдор Костин».

— А подпись чья будет?

— Твоя — за то, что делал ты. Моя — за то, что видела я.

— Женская подпись здесь зачем?

— Чтобы не получилось, будто ты был один.

Он отодвинул лист.

— Лучше один, чем с такой роднёй.

Клавдия не ответила. Она поставила подпись и дату. Фёдор долго держал карандаш над своей строкой, потом всё-таки расписался — коротко, одной буквой и хвостом.

К полудню на остров пришла служебная лодка. Из неё вышли начальник участка Пётр Андреевич, радист с материка и молодой человек в новой шинели, которого никто не представил. Пётр Андреевич поднялся в дом, не сняв мокрой фуражки. Увидел три чашки на столе, велел убрать чашку Семёна и только после этого спросил:

— Свет приняли?

— Сдали по времени, — сказала Клавдия.

— Я не тебя спрашиваю.

Фёдор выпрямился.

— Сдали.

— Нарушения?

— Нет.

Клавдия положила перед ним отдельный лист.

— Вот запись.

Пётр Андреевич прочитал до пустого места и нахмурился.

— Это что?

— То, что было утром.

— Утром был Костин. Его и назначим временно.

— Он поднимался. Часы и запись вела я.

— Помогала.

— Работала.

Молодой человек у окна повернул голову. Клавдия пожалела, что сказала это при нём, и тут же разозлилась на себя за сожаление.

Пётр Андреевич постучал ногтем по столу.

— Сейчас не время выбирать слова. Нам нужно, чтобы объект работал. Костин назначается исполняющим обязанности до решения управления. Ты остаёшься по хозяйству.

— Он не умеет вести наблюдения.

— Научится.

— Кто научит?

Пётр Андреевич посмотрел на Фёдора. Тот опустил глаза.

— Покажешь, что знаешь, — сказал начальник Клавдии. — Без самостоятельности. Все записи за подписью Костина.

— Тогда в журнале будет его работа, а не моя.

— В журнале будет работа маяка.

Он сказал это как окончательный довод. Клавдия посмотрела на оборванную строку Семёна. Ночью брат тоже защищал её этим различием: маяк ведёт смотритель, а всё, что делает сестра, принадлежит маяку. Наверное, он хотел уберечь её. Но человек, которого нет на бумаге, исчезает первым.

— Отдельный лист оставить? — спросила она.

— Переписать сведения в журнал. Черновики уничтожить.

Пётр Андреевич передал лист Фёдору.

— Перепишешь своим почерком.

— Я пишу медленно, — пробормотал тот.

— Зато разборчиво научишься.

Молодой человек у окна улыбнулся. Клавдия запомнила эту улыбку лучше его лица.

До вечера начальник проверял запасы, радиogramмы и жилые комнаты. Вопросов о Семёне никто не задавал. Его чашку Клавдия вымыла и поставила на верхнюю полку, где стояла посуда для гостей.

Фёдор сел переписывать утреннюю запись. Он держал перо слишком близко к острию и оставлял кляксы. Клавдия стояла рядом, диктовала время и направление ветра. Когда дошли до осмотра, он написал: «Всё исправно».

— Этого мы не знаем, — сказала она.

— Начальник спросил про нарушения. Я сказал, нет.

— Ты сказал раньше, чем осмотрел всё.

— А ты осмотрела?

— Нет. Поэтому я оставила пустое место.

Фёдор промокнул строку рукавом. Чернила расплылись.

— Хочешь, чтобы после Семёна ещё и меня забрали за неисправность?

— Я хочу, чтобы завтра человек знал, что сегодня не проверили.

— Завтра проверим.

— Тогда завтра и напишем.

Он вырвал страницу.

Клавдия успела перехватить его руку, но бумага уже лопнула у корешка. Звук был тихий, почти домашний. Фёдор замер. В дверях стоял Пётр Андреевич.

— Что здесь происходит?

— Ошибся, — сказал Фёдор.

Начальник взял вырванный лист, сложил пополам и убрал в карман.

— Новую страницу. Без помарок. Костин, пишешь по форме. Клавдия Семёновна, займись ужином.

Впервые за день он назвал её по имени и отчеству. От этого приказ не стал уважительнее.

Она вышла на кухню. Достала картофель, поставила котёл. За стеной Фёдор скрипел пером. Пётр Андреевич диктовал ему готовые строки. Маяк работал без нарушения, смену принял Костин, посторонних происшествий не было.

Клавдия чистила картофель тонко, чтобы не выбрасывать мякоть. Каждую кожуру складывала в миску. Семён говорил: хорошая хозяйка оставляет после себя меньше отходов и меньше вопросов. Он любил правила, пока правила укрывали дом. В последнюю осень стал

запирать письма и просил Клавдию не задерживаться у радиорубки. Возможно, защищал её. Возможно, не доверял. Теперь спросить было не у кого.

После ужина Пётр Андреевич оставил письменное назначение Фёдора и увёз молодого человека. Радист остался до следующей лодки. Перед уходом начальник сказал Клавдии:

— Не усложняй. Тебе позволяют остаться при доме.

— Это мой дом.

— Дом служебный.

Он посмотрел на верхнюю полку. Чашка Семёна стояла вверх дном.

— Был служебным при брате, будет при Костине. Пока нужна твоя помощь, живи.

Когда лодка отошла, Фёдор принёс назначение в кухню. Бумага была сухой, с круглой печатью. Он положил её перед Клавдией, будто выиграл спор.

— Видишь? Теперь по закону.

— Вижу.

— Я тебя не выгоню. Только не ставь меня поперёк начальства.

— Я тебя никуда не ставлю.

— И листов своих не пиши. Найдут — скажут, я допустил.

Клавдия помешала угли в печи.

— Если запись точная, чего ты боишься?

— Точность у каждого своя.

— Время одно.

— Вот его и пиши мне на бумажке. Я перенесу.

Так началась их служба.

Фёдор поднимался в башню и ставил подпись. Клавдия заводила часы, сверяла расписание, отмечала погоду и слушала, как меняется звук механизма. Если замечала отклонение, говорила Фёдору. Он сначала спорил, потом проверял, потом записывал так, будто заметил сам. Иногда благодарил её на кухне. В журнале благодарностей не было.

Клавдия готовила ему черновики. Он требовал коротко: число, часы, ветер, видимость. Всё остальное называл лишним. Она подчинилась, но стала хранить вторую половину наблюдения.

Первый отдельный лист был тем самым, утренним. Фёдор хотел сжечь его вместе с растопкой, однако Клавдия вытащила лист из-под щепы, разгладила и высушила между страницами церковного календаря, который никто не открывал. Внизу уже стояли две подписи. Значит, лист свидетельствовал не только о ней, но и о Фёдоре; уничтожить его без согласия обоих казалось такой же ложью, как дописать за другого.

На новом листе она провела две узкие колонки.

Слева — то, что вошло в служебный журнал. Справа — кто наблюдал, кто поднимался, кто принял решение и чего не удалось проверить. Не мнение и не жалоба. Только разница между действием и подписью.

В ноябре связь прерывалась на два дня. В журнале появилась запись Фёдора: «Сообщение передано после восстановления». На поле Клавдия уточнила, кто ходил к дальнему посту и во сколько вернулся. В декабре Фёдор записал устранение неполадки, хотя работу выполнил радист; Клавдия внесла имя радиста. В январе начальство похвалило Костина за порядок. Она записала имена женщин, которые очищали двор и носили топливо, пока мужчины разгружали лодку.

Фёдор не знал о колонках. Он знал только про маленькие бумажки с цифрами, которые Клавдия оставляла возле чернильницы. Переписав, он рвал их надвое. Иногда половинки падали на пол. Клавдия подбирала, но не сохраняла: они уже выполнили назначение. Её поля были не запасным журналом и не оружием против Фёдора. Они хранили то, что официальная форма не умела спросить.

Весной пришёл ответ о Семёне. В нём не было места, куда можно отправить посылку, и срока, когда ждать следующего сообщения. Клавдия прочла бумагу во дворе, потому что в доме Фёдор учился ставить новую печать.

— Что там? — крикнул он из окна.

— Ничего, что меняет сегодняшнюю вахту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.